

A woman with long brown hair, wearing a strapless pink lace dress and large earrings, stands behind a large, ornate mirror. The mirror is shattered, with many cracks and spiderweb-like patterns across its surface. The mirror's frame is decorated with colorful, multi-colored beads or sequins. The background behind the mirror shows a room with a chandelier and several lit candles in holders.

ЛЮБОВЬ
ТАЙНА
ИНТРИГА

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦЫНА

ТАЙНЫ БАДЕН-БАДЕНА

Любовь, интрига, тайна

Валерия Вербинина
Тайны Баден-Бадена

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Тайны Баден-Бадена / В. Вербинина — «Эксмо»,
2017 — (Любовь, интрига, тайна)

ISBN 978-5-04-089279-2

1867 год, Европа накануне великих потрясений. Загадочная графиня Вера Вильде живет в немецком городе Баден-Бадене, известном своим казино и целебными водами. Сюда приезжают отдохнуть или поиграть такие известные русские писатели, как Гончаров, Достоевский, Жемчужников, а их коллега Тургенев и вовсе построил себе в Бадене дом. Но не они сейчас интересуют графиню Вильде, а начинающий литератор Михаил Авилов, который неожиданно для себя стал свидетелем преступления. Хотя полиция вскоре арестовала преступника, Вера и Михаил поняли, что расследование далеко от завершения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089279-2

© Вербинина В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1. Путешественники	6
Глава 2. Дама, приятная во всех отношениях	12
Глава 3. Друг семейства	19
Глава 4. Недомолвки и загадки	25
Глава 5. Натали и ее свита	30
Глава 6. Аустерлиц или Ватерлоо	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерия Вербина Тайны Баден-Бадена

© Вербина В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1. Путешественники

Однажды в погожий летний день 1867 года двое русских сидели на террасе кафе Вебера и разговаривали. Вокруг кипел, шумел и блистал Баден-Баден – прелестнейший немецкий городок, притворяющийся добропорядочным курортом, а на деле – рай и ад для игроков всех мастей. Впрочем, наши собеседники, наслаждавшиеся веберовским мороженым, не принадлежали к числу заложников азарта, которые приезжают попытать счастья в местных казино. Старшему, Платону Тихменёву, было чуть больше сорока, и он состоял одним из редакторов толстого, денежного и влиятельного журнала, число подписчиков которого росло год от года. За глаза Платона Афанасьевича нередко именовали медведем, и действительно – крупный, плечистый, на вид неуклюжий, он чем-то напоминал этого зверя, но те из людей, которые привыкли судить по внешности, рано или поздно понимали, что в случае редактора она особенно обманчива. В отличие от медведей, он не полагался на силу и никогда не шел напролом, да и своим поведением куда чаще напоминал других животных – хитрых лис и зловредных хорьков. Мало кто любил его, но почти все были согласны его терпеть за острый ум, проницательность и редкую осведомленность во всем, что касалось современной литературы.

Что касается младшего из собеседников, Михаила Авилова, то ему недавно исполнилось 26 лет, и он только вступал в литературу. Светловолосый, худощавый, невысокого роста, он принадлежал к числу людей, которые в толпе не обратят на себя никакого внимания; но глаза у него были умные, и графиня Вера Вильде, главная местная сплетница, после знакомства с ним не зря заметила, что «в молодом литераторе что-то есть». Перу Авилова принадлежали несколько повестей, одна из которых была опубликована в журнале Тихменёва; также Михаил Петрович писал статьи на заказ и разную мелочь, которую в последний момент ставят в номер, если какой-нибудь маститый автор клятвенно обещал прислать свое новое произведение, взял под него у редакции аванс, да не поспел к сроку. Беседа редактора с писателем, начавшаяся с обсуждения общих тем, коснулась местной дороговизны; Тихменёв оживился.

– Что же вы хотите, батенька, – сезон в разгаре! Весной, пожалуй, еще можно было договориться о квартире подешевле, потому что никто не знал, будет ли война, – а если будет, Баден ведь недалеко от Франции, и мало ли что может случиться. Представьте, мне тогда предлагали отличную квартиру с балконом, на три месяца, и всего за тысячу гульденов, но я не согласился и, честно говоря, не жалею, потому что торчать тут безвылазно столько времени, наблюдать кислые рожи игроков да расфуфыренных парижских лореток¹ – что за удовольствие? И потом, я все равно собирался съездить в дюжину мест и, конечно, выбраться на выставку...

Тихменёв имел в виду Всемирную выставку в Париже, которая стала в своем роде событием года; но Авилов уже достаточно читал о ней и слышал и поэтому спросил о другом:

– Значит, по-вашему, войны между Францией и Пруссией не будет?

Платон Афанасьевич сощурился, так что его глаза обратились в узенькие щелочки, и усмехнулся так едко, что писатель почувствовал себя не в своей тарелке из-за того, что задал столь нелепый вопрос.

– Конечно, будет, – с расстановкой промолвил Тихменёв. – Канцлер Бисмарк своим собиранием немецких земель создал в Европе новый центр силы. Заметьте, он уже отколош-

¹ То есть куртизанок.

матил Австрию, которой его действия пришлось не по душе², а австрийцы ведь вовсе не лыком шиты. Ну-с, с одной стороны – немцы и Бисмарк, а с другой – император Наполеон... не первый, конечно, не первый, а всего лишь третий, но – таки Наполеон. У Франции долги, у Франции проблемы, и... крайне соблазнительно затеять какую-нибудь войнушку, чтобы отвлечь народ.

– А народ отвлечется? – не удержался Авилов.

– Куда ж ему деться, – хмыкнул его собеседник. – Заведут шарманку – *vive l'empereur*³, бей пруссаков, и прочее. В Пруссии, само собой – «да здравствует король Вильгельм», бей французов... почти то же самое, но с некоторыми поправками, разумеется. Я говорил с разными людьми, кстати, и с Герценом, и они все считают, что война неизбежна.

– О! – вырвалось у писателя. – Вы встречались с Герценом?

– Да, ездил в Венецию на карнавал и столкнулся там с ним, – не без самодовольства подтвердил Тихменёв. – Я говорил вам, что был в Венеции?

– Нет.

– Ну из газет вы уже знаете, что Бисмарк вынудил австрийцев отдать Венецию своему союзнику, итальянскому королю. Прежним властям чем-то не угодил венецианский карнавал, и лет 70 или даже больше его не проводили. Тот, на который я попал в феврале, оказался первым после большого перерыва. Впечатление, по правде говоря, изумительное! Все в масках, все веселятся, шампанское пьют... ну кому оно по карману, конечно. Одно только плохо – порядка стало меньше.

– Неужели?

– Да-с, представьте себе. Везде норовят обсчитать, обжулить – как же-с: свобода пришла! А при австрийцах, заметьте, ничего подобного не наблюдалось. Тут, пожалуй, напрашивается какой-нибудь далеко идущий вывод, но...

– А что же Герцен, Платон Афанасьевич?

Тихменёв повел своими широченными плечами.

– Да я не искал с ним встречи – само вышло. Вообразите: все номера в отеле, где я хотел остановиться, оказались заняты. С трудом нашел место в «*Albergo reale*»⁴, и тут – ба! Кого я вижу! Александр Иванович! Он был один... Вы в курсе его истории с Огаревым и их общей женой? Передовой человек, и ни до чего больше не додумался, как жену у лучшего друга увести... Впрочем, мне кажется, он и сам не рад, что все так обернулось. Баба-то оказалась – ого-го! Характерец тот еще...

– Мне кажется, это его личное дело, – пробормотал Авилов, испытывая мучительную неловкость.

– С одной стороны, да, а с другой – простите меня, батенька, но какая личная жизнь может быть у столь публичной персоны? И потом: коли уж вы говорите о преобразованиях, о справедливости, свободах и прочем, не мешало бы хоть чуточку соответствовать тому, что говоришь. Уводить жену у друга – это, простите меня, свинство чистой воды. Да и вообще, если приглядеться, все эти преобразователи в такой тине барахтаются... Огарев, по слухам, пьет и сожительствует с девицей, которую подобрал на панели, Герцен живет с бывшей мадам Огаревой, а недавно, я слышал, его сынок тоже учудил: довел свою любовницу до самоубийства⁵. Передовые люди, а? Пе-ре-до-вые! – со смаком проговорил Тихменёв,

² Имеется в виду австро-прусская война 1866 года, в которой Австрия и ее союзники потерпели поражение.

³ Да здравствует император (*франц.*).

⁴ «Королевская гостиница» (*итал.*).

⁵ Тихменёв в развязной манере пересказывает реальные факты запутанной личной жизни эмигрантов: после смерти жены Герцен сошелся с женой Огарева Натальей Тучковой-Огаревой, сам Огарев нашел утешение в объятиях некой Мэри Сазерленд, которая была проституткой, а гражданская жена сына Герцена Шарлотта Гетсон покончила с собой (утопилась) летом 1867 г.

ослабившись. – Всерьез считают себя сливками нации... что ж из этих сливок все выходит сплошное дерьмо?

– А правда ли, что у «Колокола» дела идут не очень хорошо? – спросил Авилов, твердо решив не обращать внимания на отступления о частной жизни Герцена и его окружения.

– «Колокол», можно сказать, все, – хищно ответил Тихменёв, облизывая ложечку с мороженым. – Отзвонился, хе-хе! Никому он больше не интересен, никто его не хочет читать. От издания сплошные убытки... Представьте себе: молодые Герцена чуть ли не за реакционера считают и дел с ним иметь не хотят, а прежние его сторонники и так знают все, что он может сказать, и у него нет для них ничего нового. Справедливости ради, он и сам раскаивается в некоторых своих заблуждениях. Поверите ли, но он при мне даже ругал поляков – неисправимая нация, говорит. И много чего наговорил в таком же духе, но вообще очень чувствуется, что от России отстал человек и ничего в ней не понимает. А его язык! Я когда от него услышал – «splendidная⁶ погода» – я решил, что он шутит. Но нет: он и по-русски толком говорить уже не может.

– Неужели?

– А вы думаете, почему я от него через полчаса сбежал? Кому охота выслушивать такие перлы, как «сциентифическая⁷ статья» и «в хорошем юмёре⁸»...

– Вы шутите, Платон Афанасьевич.

– Да ничуть! Говорил он, что его где-то «фетировали» – вместо «чествовали», говорил, что ведет «жизнь вагабонда»... Какого, к черту, вагабонда, когда есть русское слово бродяга? Тут он добавил, что собирается на какой-то «дине»⁹, и я решил, что с меня хватит. Невозможно же так издеваться над языком. Тургенев в своем последнем романе тоже напридумывал каких-то «естественных» сыновей¹⁰, но до уровня дине с вагабондами все же не опускался. Слышали, что он за «Дым» с Каткова пять тысяч серебром содрал? Графиня Вильде уверяет, что это был самый дорогой дым в российской истории...

Авилов невольно улыбнулся.

– Ну-с, – жизнерадостно продолжал Тихменёв, – а роман вышел все-таки дрянь. Нельзя русскому писателю надолго отрываться от родины, а обстоятельства Ивана Сергеевича всем хорошо известны. Быть бантиком на юбке мадам Виардо ему дороже...

Михаил подумал, что теперь его собеседник примется обсуждать перипетии личной жизни Тургенева, и молодого писателя передернуло; но, к счастью, редактор заговорил о другом:

– Вы, может, скажете: ничего, что бантик, не он первый, не он последний, кого баба крепко в оборот взяла. Но чтобы играть главенствующую роль в литературе, одним бантиком быть недостаточно. Раньше Ивану Сергеевичу везло: все, кто мог с ним соперничать, по той или иной причине отошли в тень. Гоголь умер, Достоевского сослали на каторгу, Гончаров увяз в работе по цензурному ведомству и пишет в год по чайной ложке. Заметьте, о Маркевиче¹¹ и ему подобных я даже не говорю – сколько бы их ни читали, как писатели они все равно немногого стоят. Немудрено прослыть гением, когда тебе противостоят Маркевичи и госпожа Тур¹², но стоило Достоевскому вернуться, стоило выдвинуться графу Толстому – и наш Иван Сергеевич уже не при делах. При всех своих недостатках «Война и мир» – именно

⁶ Великолепная (от франц. *splendide*).

⁷ Научная (от франц. *scientifique*).

⁸ Настроения (от франц. *humeur*).

⁹ Обед (от франц. *dîner*).

¹⁰ Калька с французского выражения *fils naturel* – незаконный сын.

¹¹ Болеслав Маркевич (1822–1884) – популярный в свое время, а сейчас полностью забытый писатель.

¹² Евгения Тур (графиня Елизавета Салиас де Турнемир, 1815–1892) – известная когда-то писательница.

тот роман, который наша литература так долго ждала, и рядом с ним меркнут все тургеневские барышни, равно как и болваны из «Дыма», ругающие Россию, с благословения автора.

– Строго говоря, – негромко заметил Михаил, – там только один... как вы выразились, болван.

– Которому никто не возражает, – язвительно напомнил Тихменёв, щуя глаза. – Вообще, батенька, скажу вам вот что: если бы, к примеру, Федор Михайлович после каторги заделался вторым Герценом и стал бы от души честить Россию на всех перекрестках, его можно было бы понять, и любой здравомыслящий человек признал бы, что у него есть такое право. Но у Достоевского, насколько я его знаю, ничего подобного даже в мыслях нет, зато Тургенев, богатый барин, которого родина решительно ничем не обделила...

– Но он же впал в немилость при отце нынешнего государя. Разве нет?

– И был всего лишь сослан в свое имение, – усмехнулся Тихменёв. – Тоже мне, наказание! Эх, мне бы такое имение, как у Тургенева, и я с легкой душой позволил бы запереть себя там до конца своих дней... Кстати, вы знакомы с ним?

– Нет. Я... я занес свою визитную карточку, но его не оказалось дома.

– Я виделся с ним на днях, – объявил редактор. – Напомнил Ивану Сергеевичу, какую грандиозную встречу ему устроили весной, когда он приехал в Петербург и выступал там с публичным чтением. Вообразите, он прикинулся, что ничего не помнит, кроме холода и снега. И вообще в России, по его словам, он чувствовал себя как в тюрьме. К тому же управляющий Спасским, какой-то его родственник, его обкрадывал, и Иван Сергеевич порядочно с ним намучился, пока не решился указать ему на дверь. Он долго мне расписывал козни этого родственника, а я упорно пытался перевести разговор на «Дым», и, когда мне это удалось, Тургенев стал горячо меня уверять, что провал романа его мало заботит. Я хотел ему сказать, что тут не роман, тут уже репутация проваливается, но посмотрел на его седую голову, подумал: «А стоит ли?» – и промолчал. Тем более что я всю свою жизнь имею дело с писателями и знаю, что нет такого автора, которого не волнует, как публика примет его детище.

Ах, деликатнейший Платон Афанасьевич. Ну конечно же, к чему восстанавливать против себя знаменитого писателя, к которому ты явился, чтобы узнать, может ли тот дать что-нибудь для журнала. Само собой, Тихменёв даже не упомянул об этом, но Авилов был уже достаточно искушен в литературных делах и сам обо всем догадался.

– Здесь, в Баден-Бадене, он строит себе дом, – желчно продолжал редактор. – По соседству с госпожой Виардо, разумеется. Если верить Ивану Сергеевичу, на строительстве его уже порядочно надули, но останавливаться он не хочет. Задавал мне вопросы о литературе и литераторах, причем довольно оригинальные. Спросил, например, что поделывает экс-журналист, экс-поэт и вечный жулик Некрасов и не превратился ли он окончательно в честного клубного шулера. Каково, а? Потом мы говорили о Парижской выставке – оказывается, Иван Сергеевич там был тогда же, когда и я, но мы каким-то образом разминулись.

– Мне очень понравились ваши статьи о выставке, – заметил Михаил, чтобы хоть что-то сказать.

– Дрянь статьи, – поморщился Тихменёв. – Я бы написал как следует, но покушение на государя¹³ спутало все планы. Даже не хочется вспоминать, до чего мерзко вели себя французы. Во-первых, хороша их полиция, раз допустила подобное. Во-вторых, они не стеснялись открыто выражать симпатию к стрелявшему. Я их спрашивал: если бы, положим, государь пригласил Наполеона в Петербург и позволил бы, чтобы того подстрелили, что бы вы сказали?

– И что они вам отвечали? – спросил Авилов, скучая.

¹³ Выстрел польского эмигранта Антона Березовского в Александра II (6 июня 1867).

– Ну вы знаете, отделялись обычными французскими шуточками: что Наполеону нет нужды ездить в Петербург, что в России их императора никто не ненавидит, и все в таком роде. Удивительно подлая, до гнусности извортливая нация. И ведь должны же понимать, что им нужны союзники, раз они собираются воевать с Пруссией, но нет: сами все делают, чтобы самого сильного возможного союзника оттолкнуть.

– Может быть, они считают, что союзники им не нужны.

– Э, батенька, да ничего они не считают, – уже с досадой промолвил Тихменёв. Михаил нахмурился, вновь услышав резавшее его слух обращение «батенька», и опустил глаза. – Мы их раздражаем, и даже более того скажу: бесим мы их до ужаса, вот что. Они из кожи вон лезут, чтобы нас унижить, и готовы ради этого даже срубить сук, на котором сидят. Ну и пусть рубят, пусть грохнутся и сломают себе наконец шею. Пруссаки побии австрийцев, теперь очередь французов быть битыми.

– Я вижу, нелегко вам пришлось в Париже, – заметил писатель с иронией, которую даже не давал себе труда скрыть. Однако собеседник воспринял его слова всерьез.

– Да уж ничего хорошего, можете мне поверить, – подтвердил Тихменёв. – Говорят, выставку посетил миллион человек. За миллион не поручусь, но в павильонах было не протолкнуться. Нашу экспозицию разместили неудачно, но о причинах я уже говорил. И дали только одну медаль, самую ничтожную, – и ту коренному русаку фон Коцебу, как выразился ехидный Тургенев. Надо вам будет познакомиться с Иваном Сергеевичем, хоть и разочаровал он меня своим «Дымом», но это все же один из немногих писателей, которые искренне любят литературу и знают в ней толк. Кстати, я получил письмо от Гончарова, он тоже сюда собирается, но Гончаров такой человек – пока не увижу его в Бадене, не поверю. Где вы остановились?

Авилов покраснел и объяснил, что отели в городе оказались ему не по карману, и поэтому он снимает комнату рядом с Баденом, в Оттерсвайере.

– А, знаю, – кивнул Тихменёв. – Там сейчас живет Алексей Жемчужников с семьей. Знаете его?

К стыду своему, Михаил вынужден был сознаться, что знает Жемчужникова только как одного из создателей Козьмы Пруtkова¹⁴, но понятия не имел, что тот обитает где-то по соседству.

– Ну вот вам и повод нанести ему визит, – заметил редактор. – Хотя буду откровенен: в плане литературном сей мизинец Козьмы Пруtkова стоит немного. А человек он приятный, хоть и довольно скучный. Что-нибудь сейчас сочиняете?

– Я... Нет, ничего.

– Играете? – прищурился Тихменёв.

У Авилова едва не вырвалось: «Не на что», но он пересилил себя и ответил, что не играет, но иногда ходит смотреть.

– Ума не приложу, на что там смотреть, – проворчал Платон Афанасьевич, насупившись. – Одни глупцы проигрывают, другие выигрывают, чтобы завтра же все потерять и заложить последний сюртук. В конечном итоге проигрывают все, и только казино не остается в убытке. – По его желчному тону Авилов заключил, что редактор тоже попытал счастья на рулетке, но успеха не добился. – Впрочем, вы ведь здесь вовсе не для того, чтобы выслушивать мои рассуждения о казино, Иване Сергеевиче или даже Льве Николаевиче. Поговорим о вас, Михаил Петрович. Что вы можете дать нам в следующем году?

– Я думал о романе... – неловко начал Авилов, который ожидал подобного вопроса и все же оказался захвачен врасплох.

¹⁴ Козьма Пруtkов – вымышленный автор, придуманный А. К. Толстым и его кузенами, братьями Жемчужниковыми.

– Сколько листов? Тема, герои? – отрывисто спросил Тихменёв. И, не давая собеседнику времени для ответа, продолжал: – Вы должны отдавать себе отчет, что мы стремимся привлекать тех писателей, которые сейчас на слуху и уже себя зарекомендовали. Я не знаю, что за роман вы напишете, но даже если он будет сочетать все мыслимые достоинства, мы сможем взять его, только если выяснится, что кто-то из наших постоянных авторов отказался от сотрудничества. Вы понимаете, о чем я? У нас есть определенные договоренности, для нас уже сочиняют новые вещи известные литераторы, и потом – роман требует много места, а для нас печатать большую вещь новичка – серьезный риск. У повести или рассказа куда больше шансов. Я не говорю, чтобы вы отказывались от романа или каким-то образом ограничивали себя, но вы должны представлять себе перспективы. Если ваша повесть будет готова – ну, допустим, к марту, мы с удовольствием напечатаем ее в одном из летних номеров.

У Михаила сжалось сердце. Он отлично знал, что самые выигрышные тексты ставились в начало и конец года, в худшем случае – весной, а летние выпуски считались уделом неудачников. Ему захотелось немедленно встать и уйти, и удержало его только то соображение, что он еще не расплатился с кельнером за мороженое.

– Если не секрет, кого вы предполагаете вывести героем? – спросил редактор.

Авилов собрался с мыслями.

– Это... э... молодой человек. Разочарованный в жизни, и...

Он оборвал себя на полуслове, потому что по лицу Тихменёва прочел, что тот уже встречал в рукописях сотни, а может быть, тысячи разочарованных молодых людей, и тот, которого ему мог предложить Михаил, уже ничем не мог бы удивить или хотя бы заинтересовать Платона Афанасьевича.

– Но я еще буду думать, – поспешно прибавил писатель и возненавидел себя за эту фразу. – Может быть, получится и повесть.

Тихменёв удовлетворенно кивнул и вызвал кельнера, чтобы расплатиться. Народу в кафе заметно прибавилось, почти все столики были заняты, и между ними ходила хорошенькая белокурая цветочница и продавала цветы. Она стрельнула глазками в сторону Авилова, но улыбнулась Тихменёву, потому что он был лучше одет и раньше покупал у нее цветы. Именно в это мгновение Михаил окончательно убедился, что мир несправедлив и что рассчитывать на какое бы то ни было снисхождение с его стороны абсолютно бесполезно.

Глава 2. Дама, приятная во всех отношениях

Разговор с Тихменёвым оставил у молодого человека неприятное послевкусие, и чем больше Авилов думал о нем, тем сильнее раздражался. По всегдашней писательской привычке к самокопанию Михаил попытался определить, что именно вызвало его раздражение. Нет, не пренебрежение к его писательскому таланту больше всего возмутило Авилова и не брошенный вскользь совет написать повесть, которая, если повезет, пойдет затычкой в летний номер. На самом деле Михаила злила легкость, с которой Тихменёв распоряжался делами журнала, разъезжал по Европе, строчил статьи на самые выигрышные темы и между делом успевал еще пообщаться с Тургеневым, Гончаровым и Герценом.

«А ведь, если хорошенько вдуматься, он просто хам, – размышлял писатель, нахохлившись. – Дважды я встречался с ним здесь, в Бадене, мы обсуждали самых разных людей, но ни о ком из них он не сказал ни единого доброго слова. Как он расшаркивался перед графиней Вильде в прошлый раз, а едва она удалилась, тотчас же ославил ее сплетницей, лукавой и недалекой женщиной. И сейчас – что он наговорил об Иване Сергеевиче, да и о других тоже! Уши вянут... а ведь, пожалуй, он напишет о них воспоминания, когда они умрут, и процитирует каждый клочок, который они ему присылали. Тьфу!»

Отведя таким образом душу, Михаил задумался о том, чем ему теперь заняться. Можно было пойти в соседнюю читальню Маркса, которая получала большое количество газет, включая российские. Можно было отправиться на прогулку – к Старому замку, или по Лихтенталевской аллее, или вдоль берега недоразумения, которое здесь зовется рекой. Наконец, можно было просто махнуть на все рукой и вернуться в Оттерсвайер. Из Бадена туда обычно добирались по железной дороге, но Михаил, которого обстоятельства вынуждали экономить, предпочитал не тратить двадцать семь крейцеров на билет третьего класса и ходил пешком.

«А может быть...»

Он не стал додумывать мысль, которая уже не первый раз приходила ему в голову. Знаменитая баденская рулетка располагалась в одном здании с кафе Вебера – знаменитом Conversation, без визита в которое не обходился ни один приезжающий. Центральная часть обнаруживала претензию выглядеть как дворец и была украшена коринфскими колоннами, но лепящиеся к ней с обеих сторон длинные безвкусовые пристройки портили все впечатление. Внутри, кроме казино, располагались залы для собраний, ресторан, читальня и книжный магазин. Залы, которые путеводитель по Бадену упорно именовал салонами, были обставлены мебелью во французском вкусе, украшены росписью и освещались огромными люстрами, подвешенными на цепях; но, если говорить начистоту, мало кого интересовало, что Оффенбах¹⁵ давал импровизированные концерты в салоне Цветов или что расписные панно были привезены сюда из Парижа, потому что большинство посетителей привлекало только казино. Михаил уже не раз переступал его порог и наблюдал за игрой, но что-то удерживало его от того, чтобы самому решиться на ставку. Возможно, ему претила сама атмосфера игорного дома, выражение лиц игроков, зачарованных скачущим по цифрам шариком, который мог любому принести состояние или, напротив, разорить вчистую. Он говорил себе, что многие писатели были азартны и в игре даже черпали вдохновение; что там, где все эмоции так обнажены, он может сделать немало любопытных наблюдений; но, странное дело, покидая казино, он ощущал облегчение и одновременно – отвращение к людям, которые оставались в зале, до последнего надеясь урвать хоть что-нибудь.

¹⁵ Жак Оффенбах (1819–1880) – французский композитор, автор оперетт.

«А ведь если бы у меня в прошлом году взяли повесть в «Русский вестник», – мелькнуло у Авилова в голове, – я бы, как собирался, добрался до Парижа, а не сидел бы в скучнейшем Бадене, считая каждый грош... Но повесть не подошла, и хуже всего... хуже всего то, что я знаю, что они правы. Она никуда не годится. Понадеялся на Тихменёва, послал ему – тоже отказ... Что это за известные литераторы, которые пишут для его журнала? Уж точно не Достоевский и не граф Толстой. Писемский? До чего же скверно не иметь в литературе имени... Ведь я же знаю, что мог бы сочинять не хуже Писемского¹⁶ или госпожи Кохановской¹⁷, которая пишет такую дрянь, что читать невозможно, а меж тем ее читают, да еще как! Иногда, грешным делом, даже думаешь – ей-богу, не отказался бы хоть недолго побыть самым дрянным писателем, но таким, которого читают, который...»

– Добрый день, господин литератор! – прозвенел возле него задорный и звонкий женский голос.

Михаил поднял голову и покраснел. Он только что непростительно манкировал всеми приличиями, не поклонившись графине Вильде, которая ехала в ландо¹⁸ и оказалась совсем близко от него. Поспешно сняв шляпу, Авилов рассыпался в извинениях. Пока он говорил, графиня внимательно смотрела на него, обмахиваясь веером, и на губах ее трепетала обычная для нее загадочная полуулыбка, из-за которой досужие языки в свое время называли Веру Андреевну северным сфинксом, а злые языки – сфинксом без секрета. На вид графине было около тридцати лет; темноволосая, с зеленоватыми глазами и чуть-чуть асимметричным лицом, на котором одна бровь располагалась немного выше другой, она не производила впечатления красавицы, но источала такое жизнелюбие, такую энергию, что затмевала любых красавиц. Под ее открытым насмешливым взглядом Михаил стал путаться в словах и, признавшись, что был слишком поглощен своими мыслями и не смотрел по сторонам, сконфуженно умолк.

– И о чем же вы думали, милостивый государь? – осведомилась графиня с напускной строгостью.

– О госпоже Кохановской, – честно ответил Авилов.

– Какой ужас! – вырвалось у Веры Андреевны. Она говорила вроде бы совершенно искренне, и в то же время присутствовало в ее интонации какое-то преувеличение, беспокойная, жалиющая нотка, которая давала понять, что графиня иронизирует, и, может быть, даже не столько над предметом разговора или своим собеседником, а над самой собой. Михаил, мало знакомый с манерой выражения Веры, немного растерялся и в то же время поймал себя на том, что не может удержаться от улыбки.

Он объяснил, что виделся с Тихменёвым и они обсуждали современную литературу. Чтобы не задерживать светскую даму, для которой, как он полагал, его персона не представляет особого интереса, писатель добавил, что возвращается в Оттерсвайер.

– Надо же, какое совпадение! – воскликнула Вера Андреевна. – Я как раз еду туда навестить вашего *confrère*¹⁹ Жемчужникова. Если хотите, могу вас подвезти, а если вы еще незнакомы, могу вас представить...

И прежде чем Михаил успел опомниться, она уже велела кучеру остановить ландо возле тротуара.

Писатель был совершенно не готов к такому повороту событий. Его гордость (а она у него была, и крайне чувствительная) тотчас учуяла в предложении собеседницы нечто покровительственное. Однако пока Михаил пытался подыскать вежливые слова для объяс-

¹⁶ Алексей Писемский (1821–1881) – русский писатель.

¹⁷ Кохановская (псевдоним, под которым писала Надежда Соханская, 1823–1884) – писательница.

¹⁸ Легкий экипаж со складывающейся крышей и сиденьями, расположенными друг против друга.

¹⁹ Коллегу (*франц.*).

нения, почему он предпочитает дальние прогулки пешком обществу дамы, которую принимает у себя великая герцогиня Баденская, вдруг оказалось, что он уже как-то незаметно переместился в коляску и зеленоватые глаза Веры Андреевны, оказавшейся на сиденье напротив, смотрят прямо на него. Впрочем, Михаил все же успел вроде бы пробормотать что-то о том, что он не хотел бы стеснять графиню, и вообще...

– Я читала вашу повесть, – сказала Вера улыбаясь. – «Дом на улице Дворянской», верно? *C’était charmant*²⁰. – Михаил ненавидел эту расхожую великосветскую фразу и поймал себя на мысли, что совершенно напрасно сел в коляску к пустейшей особе во всем Бадене. – Бабушка, которая целыми днями сидит у себя, ни в чем внешне не принимает участия и в то же время все примечает – мастерски выписанный образ. – Тут писатель довольно-таки нелогично решил, что пусть Вера Андреевна и пустейшая женщина, но в литературе она определенно кое-что понимает. – А главный герой, внук с его благими порывами, который в конце концов возвращается к своим родителям-мещанам, помогает отцу в торговле, мало-помалу обращается в законченного дельца и предаёт своего друга детства... – Вера улыбнулась еще шире, и Михаил невольно насторожился. – Он у вас не получился, потому что он – не вы.

– Откуда вам знать, сударыня? – вырвалось у пораженного писателя. В повести он действительно описал своего гимназического приятеля и его семью, которую наблюдал на протяжении нескольких лет.

Вера скользнула по нему загадочным взглядом. Она еще при чтении сообразила, что автор вывел себя в друге героя – слишком уж выпукло были описаны его переживания из-за бедности родителей и некоторые тончайшие штрихи, которые можно почувствовать, только если пишущий сам побывал когда-то в шкуре своего персонажа.

– Полагаю, ваша повесть имела бы куда больше успеха, если бы вы сделали своих героев разорившимися дворянами, – сказала Вера, обмахиваясь веером.

– Я не слишком хорошо знаю быт дворян, – ответил Михаил с раздражением, которое даже не пытался скрыть.

– А вы изучайте, милостивый государь! – воскликнула графиня смеясь. – Вы ведь сейчас в Бадене, куда съезжаются... э... как обыкновенно пишет добрейший Платон Афанасьевич – сливки общества? Право, я не могу взять в толк, как сливки могут куда-то съезжаться, когда им положено смирно сидеть в кувшине... И почему непременно сливки, а не сметана или масло?

И снова Михаил поймал себя на том, что улыбается. «Нет, она вовсе не глупа... решительно не глупа. Хотя сейчас она наверняка посоветует мне взять ее в героини и примется рассказывать какую-нибудь тривиальную историю из собственной жизни...»

– Ну вот, – продолжала Вера Андреевна, говоря как бы с увлечением, но в то же время и с легкой иронией, – возьмите любую русскую семью из тех, что сейчас в Бадене, присмотритесь к ней – и, я уверена, вы найдете достойный сюжет, и не один. Вы со мной не согласны? – быстро прибавила она, видя, что собеседник хмурится.

Михаил собирался ответить графине – разумеется, очень учтиво, но категорично, – что сюжеты придумываются совсем не так и что Вера Андреевна вообще понятия не имеет о том, как герои приходят к автору и завладевают его воображением, так что приобретают для него больше значения, чем реальные люди. Но предмет разговора был для Авилова слишком важен, и он решил начать издалека.

– Боюсь, госпожа графиня, все не так просто, – заговорил он, не замечая, что поддается под тон своей собеседницы. – К примеру, случилось мне сегодня прогуливаться неподалеку от гостиницы «У золотого рыцаря». Туда как раз прибыла русская семья, такая, знаете ли... провинциальной складки. – Произнеся последние слова, он вспомнил, что сам

²⁰ Это было прелестно (*франц.*).

является провинциалом, и почувствовал укол досады: уж ему-то точно не следовало выстав-
лять новоприбывших в смешном свете. – Я имею в виду, что они выглядели провинциально:
и одежда, и манеры, и слуги их, и огромный самовар, который они с собой привезли...

– Вы и самовар приметили? – спросила Вера Андреевна лукаво. Михаил покраснел.

– Его трудно было не заметить. И чемоданы у них были старомодные, с такими, должно
быть, путешествовали их предки еще в прошлом веке. Да... я готов поклясться, что семья эта
первый раз в жизни выбралась в Европу. Люди вроде бы образованные, но не могли толком
объясниться ни по-немецки, ни по-французски... Одним словом, мне пришлось послужить
кем-то вроде толмача. Отец семейства – добродушный господин, довольно флегматичный,
его супруга, которая обо всем хлопотала, и дочка...

– Ах, – вырвалось у Веры Андреевны, – я так и предполагала, что там должна быть
дочка!

И она со значением посмотрела на Михаила, смутив его совершенно.

– Госпожа графиня, я...

– Нет, вы все же расскажите о дочке, – перебила его Вера, торжествуя. – Я умираю от
любопытства. «У золотого рыцаря» – вы имеете в виду «Au chevalier d'or»? Не самый луч-
ший отель, конечно, во всяком случае, не чета «Европе». – Она имела в виду считавшуюся
роскошной гостиницу на берегу реки, как раз напротив казино.

– «Европа» не всем по карману, особенно сейчас, в сезон, – осторожно заметил Михаил.

– Ах, да какой сезон, – отмахнулась графиня. – Видели бы вы Баден в прошлые годы, а
сейчас большинство путешественников предпочло Париж, из-за выставки, конечно. Сейчас
тут не так уж много народу...

– Но цены, насколько мне известно...

– Да, цены так же высоки, как и в прошлом году. Немцы практичный народ, – Вера
Андреевна усмехнулась, – а сезон держится всего два месяца, и местные смотрят на дело
так: за эти два месяца надо заработать столько, чтобы хватило прожить целый год. В отелях
сейчас достаточно свободных мест, но владельцы все равно не сбавляют цен. Большое коли-
чество провизии уходит в Париж, опять же из-за выставки, и поэтому еда тоже обходится
недешево. А как дерут местные прачки! Однако, милостивый государь, мы отвлеклись. Я
жажду узнать побольше о дочке... и о ее старомодных родителях. Как их фамилия, кстати?
Вы ведь наверняка узнали ее, раз имели с ними дело.

– Назарьевы.

– Так-так, почтенный глава семейства, хлопотунья-жена... и очаровательная дочка.
Нет-нет, даже не возражайте: я совершенно уверена, что она очаровательна. Неужели они
приехали на воды? – тревожно спросила Вера Андреевна, хотя ее глаза смеялись. – Ах боже
мой! Вы просто не представляете, сколько я перевидала семей, которые уверяли, что при-
были лечиться баденскими водами, а кончали тем, что проигрывались в казино... Я очень,
очень беспокоюсь за господина Назарьева... как бишь его?

– Петр Николаевич. Однако он прибыл не для того, чтобы играть. Его жена уверяла,
что они приехали для того, чтобы встретиться с родственницей, генеральшей Меркуловой.
Она забросала меня расспросами об этой особе, и мне пришлось признать, что я...

Михаил хотел сказать «к стыду своему, никогда о ней не слышал», но Вера не дала ему
закончить фразу.

– Генеральша Меркулова – это Натали? – протянула она тем особенным тоном, каким
только красивая, уверенная в себе женщина способна говорить о той, которую считает своей
соперницей. – Ну как же генерал отпустит Натали в Баден... ведь Осоргин здесь.

– Что за Осоргин? – неосторожно спросил Михаил.

Вера Андреевна с треском сложила веер, и писатель сообразил, что только что выдал свою полнейшую неосведомленность в том, что всякий баденский завсегдатай, по-видимому, обязан знать назубок.

– Осоргин – это Осоргин, – промолвила графиня с укором. – Вы действительно никогда о нем не слышали?

Михаил вынужден был признаться, что до сего дня понятия не имел о вышеназванном господине.

– Вообразите, вы первый, кому мне придется рассказать об Осоргине, – протянула графиня, забавляясь. – Его отец был очень богатым человеком и притом жестоким крепостником. Он порол своих крестьян на конюшне, причем некоторые уверяют, что не гнушался делать это собственноручно и иных провинившихся запарывал до смерти. – Михаила передернуло. – Жена его рано умерла, и кажется, оттого, что он обращался с ней ненамного лучше. Из трех детей сын и дочь умерли во младенчестве, и остался только один ребенок – тот Григорий Осоргин, о котором я веду речь. В детстве отец наказывал его за малейший проступок, но дети растут быстро, и однажды выросший Григорий приехал в имение. Если я правильно помню, дело было после его поступления в столичный университет. За столом вышла ссора, старший Осоргин разгорячился, стал угрожать младшему поркой, или даже не угрожал, как говорят некоторые, а хотел уже взяться за розги, да не тут-то было. Сын схватил то ли хлыст, то ли арапник и... словом, вы понимаете.

– Избил отца? – спросил Михаил с любопытством.

– До полусмерти, – снизив голос до трагического шепота, сообщила графиня. – Надо вам сказать, что старшего Осоргина из-за его тяжелого характера все соседи просто ненавидели, но, когда стало известно, что сын поднял на него руку, отец как-то вдруг обратился в жертву, чуть ли не безвинную.

– Надеюсь, он умер от побоев?

Прежде чем ответить, Вера Андреевна бросила на собеседника пристальный взгляд.

– В том-то и дело, что нет – отлежался в постели и поправился... Но, разумеется, отношения с сыном оказались безнадежно испорчены.

– Еще бы, я думаю, – не удержался Михаил.

– Отец объявил, что отныне не даст сыну ни копейки, что завещает все имущество монастырю, что пустит Григория по миру, что тот еще пожалеет, и прочее в таком же духе. Однако младший Осоргин не стал горевать по этому поводу. Он оставил университет и... нет, не стал давать уроков, чтобы прокормиться, или искать богатой невесты, чтобы обеспечить себе безбедное существование. Он превратился в игрока – *pour ainsi dire*²¹, профессионального, насколько рулетку и тридцать одно вообще можно назвать профессией. Круглый год он кочует из одного казино в другое, и теперь он находится в Бадене. Его легко узнать в толпе игроков – красивый молодой человек, которому лакеи всегда услужливо пододвигают кресло, едва он появляется. Он всегда безупречно одет, ведет себя безукоризненно, даже если проигрывает тысячи, и, как огонь, привлекает всех мотыльков женского пола. Женщины, впрочем, не дорожат и никого в свое сердце не впускает. Здесь есть одна парижская камелия по имени Диана²², которой по роду занятий никак не полагается терять голову, но – все же потеряла ее из-за Осоргина. Говорят, она предлагала ему *sa main et sa fortune*²³, и хотя таких ручек, как у нее, предостаточно, состояние у нее на зависть многим... Однако Осоргин все равно им не соблазнился.

²¹ Так сказать (*франц.*).

²² Куртизанка (выражение пришло из книги младшего Дюма «Дама с камелиями»).

²³ Руку и сердце (*франц., буквально – «руку и состояние»*).

– Кажется, я видел его в казино, – признался Михаил, поразмыслив. – У него шрам на щеке, русые волосы, голубые глаза и замкнутое лицо, верно? Я еще подумал, что человек с таким лицом должен был многое испытать...

– Да, это Осоргин, – подтвердила графиня.

– А шрам – его отец ударил?

– Нет, это след от пули. В прошлом году в Эмсе Григорий Александрович убил на дуэли адъютанта генерала Меркулова, но адъютант все-таки успел выстрелить.

– Адъютанта? – только и мог вымолвить Михаил.

– Ну, генерал же не может сам стреляться с Осоргиным, пойдут толки, – беспечно отозвалась Вера Андреевна. – Он и послал адъютанта.

– Из-за того, что госпожа Меркулова...

– О боже мой, и все-то вам надо объяснять! Ну да, из-за того, что Натали влюбилась в Осоргина. Впрочем, учитывая ее прошлое, она не могла не влюбиться в такого, как он. Помнится...

Вера Андреевна неожиданно замолчала.

– Как, вы сказали, зовут ту семью – Назарьевы? Они не упоминали, зачем им понадобилась Натали?

– Они говорили о ней как о своей родственнице, а о подробностях я не расспрашивал.

– Я хорошо знаю семью Натали, – сказала графиня, усмехаясь, – и впервые слышу, чтобы у нее были родственники по фамилии Назарьевы. – Она испытующе посмотрела на собеседника. – Расскажите мне лучше о барышне, которая с ними приехала. Она хорошенькая?

– Она... э-э... да, но...

– Блондинка или брюнетка? А какие у нее глаза? Ну же, милостивый государь! Вы же писатель, опишите мне, какое она произвела на вас впечатление!

Но Михаил, судя по всему, напрочь растерял все свои навыки, потому что смог лишь сообщить, что барышне Назарьевой семнадцать лет, она светловолосая, изящная, с серыми глазами, тоненькой шейкой и довольно молчаливая. Впрочем, последнее качество Авилов приписывал тому, что девушка устала с дороги, так как мать заметила, что обычно Настенька гораздо разговорчивее.

– Ах, так ее зовут Анастасией?

– Должен признаться, сударыня, – проговорил Михаил, волнуясь, – я не понимаю вашего интереса к... к ней и ее семейству. Я, собственно, заговорил о нем только для того, чтобы показать, что там нет никакого материала для сюжета. Мать-хлопотунья, которая отдает распоряжения и волнуется, чтобы домочадцам непременно было хорошо, неплохой, но ограниченный отец, дочь – девушка на выданье... Подобные семьи и характеры уже тысячи раз описывались в нашей литературе. И сюжет о том, как провинциальные помещики впервые оказываются за границей, тоже не блещет новизной...

– Ну разумеется, – сказала графиня, улыбаясь каким-то своим тайным мыслям. – Значит, они приехали, чтобы встретиться с Натали, а она, как мне доподлинно известно, сейчас находится в Париже. Означает ли это, что мы вскоре увидим ее в Бадене? Если да, то вам не следует упускать такой материал, господин сочинитель!

Бог весть отчего, но Михаил внезапно ощутил глухое беспокойство. Он не уважал женщин, которые изменяют своим мужьям, не жаловал военных, да и третья сторона любовного треугольника – сын жестокого крепостника и игрок, который к тому же убил человека на дуэли, – не вызвала у него особой симпатии.

– Я не люблю... драм, – признался он, сделав над собой усилие. – И вообще, по-моему, в подобных историях есть что-то донельзя унижительное... Для всех сторон.

– В каких историях? – рассеянно спросила графиня, вновь раскрывая веер и обмахиваясь им. Коляска уже покинула Баден и катила мимо фруктовых садов, раскидистых акаций и изгородей, увитых плющом. – Ничего же еще не произошло. Натали с мужем и сыном в Париже, Осоргин в Бадене, Назаровы... прошу прощения, Назарьевы в «Золотом рыцаре». На вашем месте я бы постаралась помочь им освоиться, тем более что они уже вас знают и доверяют вам. В конце концов, я не знаю планов Натали, а она вполне может и не приехать. Что же тогда делать бедолагам в городе, где столько соблазнов? Вы бы могли удержать их от необдуманных поступков – например, отсоветовали бы отцу семейства играть в казино. Или помогли бы подыскать хорошую квартиру, потому что это выйдет дешевле, чем гостиница.

В то время не знали слова «манипулятор», но у Михаила все же возникло стойкое ощущение, что графиня пытается им манипулировать. Не понимая цели, которую преследовала его собеседница, он предположил, что все дело в страсти к сплетням, в том, что старомодные Назарьевы при всей своей предсказуемости представляли в глазах Веры Андреевны новый объект для изучения. Или она подозревала, что они являются самозванцами и не имеют к Натали никакого отношения?

– Боюсь, госпожа графиня, это будет не совсем удобно, – промолвил он вслух. – Я лишь случайно оказал Назарьевым пустячную услугу, и, конечно, они уже о ней забыли. Так что у меня нет никакого повода навязываться им или как-то пытаться продлить наше знакомство.

Он ждал, что графиня, настойчивая, как все праздные женщины, станет его переубеждать, но Вера Андреевна ничего не сказала. Впрочем, возможно, причина крылась в том, что они только что прибыли к месту своего назначения – гостинице, в которой жил Алексей Жемчужников со своей семьей.

Глава 3. Друг семейства

Когда Платон Афанасьевич Тихменёв отрекомендовал молодому писателю Жемчужникова как приятного, но скучного человека, и к тому же наградил его убийственной характеристикой «литературный мизинец Козьмы Пруtkова», Михаил решил, что редактор преувеличивает и, как частенько водится среди пишущей братии, сгущает краски. Однако когда позже Авилов припоминал состоявшийся в гостинице Оттерсвайера разговор, в котором участвовали поэт с женой и гости – сам Михаил и графиня Вильде, он вынужден был признать, что Тихменёв оказался не далек от истины. От человека, который создал Козьму Пруtkова, можно было ожидать как минимум живости ума, язвительности и проницательности, но ничего подобного Михаил не заметил. В то время Жемчужникову было уже сорок шесть лет; в молодости, вероятно, он считался красавцем, хотя и сейчас правильные черты его лица и замечательные черные глаза производили некоторое впечатление. Он носил длинную бороду, а волосы, порядочно отросшие и слегка выющиеся на концах, зачесывал таким образом, чтобы скрыть лысину на макушке. Речь его показалась Михаилу плоской и сухой, мысли – лишенными оригинальности. За всю беседу Жемчужников оживился только раз – когда представился случай ругнуть Каткова²⁴, но горячность, с которой он нападал на редактора «Московских ведомостей» и «Русского вестника», не вызвала симпатии, в ней было что-то от заезженной шарманки, которая привычно дребезжит привычную мелодию. Куда более приятное впечатление произвела на гостя жена поэта, Елизавета Алексеевна – миловидная дама средних лет с темными волосами, разделенными на прямой пробор. Она в основном обсуждала с Верой Андреевной общих знакомых и не касалась ни литературы, ни поэзии, ни влияния Каткова на общественную жизнь, но слушать ее было приятно, и только раз Михаил уловил в этой спокойной, мягкой женщине желание подпустить шпильку, когда она спросила (как бы между прочим), что сейчас поделывает граф Вильде, а гостя как-то очень ловко обошла заданный ей вопрос и перевела разговор на недавно родившуюся дочь Жемчужниковых. Тут Михаил узнал, что родители тревожатся за ее здоровье, но благодаря превосходному доктору, которого им рекомендовала Вера Андреевна, можно надеяться, что все образуется. Поэт, обращаясь главным образом к Михаилу, объяснил, что из пяти своих детей двоих они потеряли из-за болезней, и волнение, с каким говорил об этом Жемчужников, расположило гостя в его пользу.

– Собственно, я больше из-за здоровья детей живу теперь за границей, – добавил Алексей Михайлович. Его жена закашлялась и поднесла к губам платок, но тотчас же опустила его и улыбнулась.

– О помилуйте, кто же теперь назовет Баден за границей, когда тут столько соотечественников, – легкомысленно прощбетала Вера Андреевна. – Генерал-губернатор Корсаков, Иван Сергеевич Тургенев – впрочем, он теперь постоянно здесь живет... Еще Меркуловы обещали приехать.

– Натали? – изумилась Елизавета Алексеевна. – Но как же...

– Представьте, я тоже удивилась, когда услышала, – безмятежно отозвалась графиня. – Хотя, возможно, у генерала еще достаточно адъютантов.

Последняя фраза в устах неумелых и непривычных к сплетне могла оглушить, как крепкая дубина, но графиня вложила в нее лишь тонкий яд, который дурманил, но не сражал противника наповал. Жемчужников открыл рот, собираясь что-то сказать, но, очевидно, передумал и отвернулся, подавляя невольную улыбку.

– Ах, как вы жестоки к бедной Натали, графиня, – вздохнула хозяйка, качая головой.

²⁴ Михаил Катков (1818–1887) – влиятельный редактор и публицист, придерживавшийся охранительных взглядов.

– Ужасно жестока, ужасно, – к изумлению Михаила, подтвердила его спутница. – Я надеюсь, что у Натали все-таки достанет благоразумия оставаться в Париже. Если она придет в Баден, она рискует стать притчей во языцех.

– Благодаря вам, не так ли? – Решительно, Елизавета Алексеевна была женщиной с характером, и Михаил окончательно убедился в том, что она недолюбливает гостью.

– Мне? О нет, – графиня Вильде повела плечом. – Но из-за Натали на дуэлях уже дважды убивали людей. Генералу Меркулову не откажешь в терпеливости, но что, если он решится на разрыв?

– Это Андрей-то Кириллович? – недоверчиво спросил поэт. – Простите, сударыня, но вы плохо его знаете.

– О, милостивый государь, – со значением протянула гостя, – поверьте, я знаю достаточно... чтобы не желать более близкого знакомства, – добавила она, усмехаясь.

– Генерал никогда не разведется с женой и не разъедется с ней, – тихо, но решительно промолвила хозяйка, комкая платок. – И, разумеется, он не позволит ей... порочить его имя. Не знаю, с чего вы взяли, что она должна приехать в Баден, но лично я считаю это совершенно невероятным.

– Вы меня успокоили, – неожиданно объявила Вера Андреевна. И до самого конца беседы она больше ни слова не сказала о Натали и генерале Меркулове.

Хотя Михаил и пытался внушить себе, что весь этот великосветский клубок змей его никоим образом не касается, он все же не удержался и спросил у графини, когда они выходили от Жемчужниковых:

– Должен признаться, я многого не понял. Какую роль генерал играет во всей этой истории?

– Рогоносца, – с великолепным равнодушием ответила Вера Андреевна. Михаил нахмурился.

– Мне показалось, – не удержался он, – что в беседе вы намекали на что-то еще.

Графиня Вильде скользнула по нему взглядом, который красноречивее любых слов говорил: «Ну что, господин сочинитель, заинтересовался? Тут тебе не копеечные страсти в деревянном домишке на окраине уездного города; тут размах, эпос, страдающие генералы, подсылающие к сопернику адъютантов, чтобы кончить дело на дуэли и самому не замараться, игроки, просаживающие состояния за зеленым сукном, роковые великосветские красавицы, которых ты в глаза-то небось не видел...» И многое еще в том же роде – чудилось писателю – сказал ему мимолетный взгляд искушенной светской женщины, хотя на самом деле Вера Андреевна думала совсем о другом.

– У Елизаветы Алексеевны чахотка, – промолвила она, поправляя перчатки, – а она в феврале родила ребенка и, я уверена, родит еще. А между тем ей стоило бы настоять на отдельных спальнях с мужем.

Михаил был совершенно не готов к такому повороту беседы и смутился. Графиня посмотрела на его сконфуженное лицо и улыбнулась.

– Я живу на вилле, которая так и называется: «Вилла Вильде», – сообщила она. – Если у вас будет рассказать что интересное, приходите.

Она удалилась, шурша шелковым лиловым платьем. Михаил отправился к себе и попробовал записать впечатления этого дня, но они никак не укладывались на бумагу. Ему не нравилась Вера, но он бы дорого дал, чтобы узнать, что на самом деле она о нем думает. И еще он не мог изгнать мысли о прелестной, застенчивой Настеньке Назаревой.

Проснувшись рано утром в чердачной комнатке с голыми стенами, которую Авилов снимал у молчаливой молодой вдовы, он решил, что сегодня ни за что не отправится в Баден-Баден, а попробует поработать. В результате в десятом часу Михаил уже шагал по Ланге-

штрассе мимо Hôtel de Russie²⁵, направляясь к городской церкви, неподалеку от которой находилась гостиница «У золотого рыцаря».

Кельнер сообщил ему, что вновь прибывшая семья из России потребовала завтрак в свой номер. Михаил подумал (признаться, даже с некоторым облегчением), что теперь, по совести, ему можно и удалиться, но не тут-то было: глава семейства спускался по лестнице, завидел знакомое лицо и бросился к Авилову с распростертыми объятьями. Петр Николаевич был так рад встрече с соотечественником, что без утайки выложил ему все, что накопилось на душе. Во-первых, прислуга не понимала никаких языков, хотя гувернанткой его жены была самая настоящая француженка, бежавшая из Франции от тирании первого Наполеона, а сам Петр Николаевич когда-то учил немецкий (хоть и умалчивал о том, выучил ли его в конце концов). Во-вторых, все в городе решительно сговорились, чтобы обсчитывать их на каждом шагу: обманывали со сдачей, норовили всучить монеты более мелкого достоинства, а когда дражайшая супруга Глафира Васильевна начинала возмущаться, делали вид, что она сама ошиблась, а они тут ни при чем. Кроме того, все в Бадене оказалось чудовищно дорого, и вдобавок, когда семейство вышло вчера вечером на прогулку, чтобы полюбоваться видами, Назарьевы оказались в саду, где играл оркестр, а рядом было здание, ну совершенно приличное здание, куда то и дело входили хорошо одетые люди. Глафира Васильевна решила, что там непременно должен быть театр, но внутри оказались – подумайте только, игральные столы, а еще – нет, милостивый государь, вы только себе представьте, рулетка! Произнеся это слово, Петр Николаевич округлил глаза и взял собеседника за пуговицу так цепко, словно собирался ее отодрать.

– Так что ж, вы разве не знали, что в Бадене рулетка? – спросил Михаил даже с некоторой досадой.

– Знал! Конечно, знал! – воскликнул его собеседник в волнении. – Но, ей-ей, я и подумать не мог, что так просто... Барышни ходят и смотрят! Дамы тоже... И все эти золотые монеты – а золота там ужас сколько – так соблазнительно звенят! И эти... как их... крупье... такие ловкие, что просто диву даешься! То сгребают деньги, то раздают... Сидел там за столом один англичанин, проигрывал да проигрывал... Другой бы на его месте давно ушел, а этот даже в лице не менялся. Бровью хоть раз бы повел! Но нет, так и сидел, и продолжал ставить, а потом вдруг как начал выигрывать! Ставку за ставкой... Тут Глафира Васильевна меня дернула за рукав, мол, пора и честь знать, а то я бы посмотрел, сколько он еще сумел взять...

– Англичанин со шрамом на щеке, у главного стола? – спросил Михаил, кое-что припоминая.

– Вы его знаете? – встрепнулся Петр Николаевич.

– Слышал о нем, – лаконично ответил писатель, – но он не англичанин, а наш соотечественник, Григорий Осоргин.

Назарьев вытаращил глаза.

– Ну! А я было решил, что он англичанин! Больно уж невозмутим... И он ни слова по-русски не произнес!

Слушая собеседника, Михаил испытывал смешанные чувства. Перед ним стоял типичный помещик средней руки – с носом картошкой, редкими бакенбардами неопределенного цвета, лысиной и объемистым брюшком, выдававшим в своем обладателе любителя хорошо поесть. На вид Петру Николаевичу было лет пятьдесят, и он уж точно должен был считать себя хорошо пожившим человеком, но писатель чувствовал – или, если угодно, предчувствовал, что видит перед собой идеальную жертву казино. Стоит только Назарьеву разок усестись за игорный стол – и все, он пропал; он не встанет до тех пор, пока не спустит все,

²⁵ «Русская гостиница» (франц.).

включая свой рыжеватый старомодный фрак и шали жены, а может статься, и платья дочери. За полторы недели, проведенные в Бадене, Михаил уже успел насмотреться на таких игроков, и он не мог надивиться на проницательность графини Вильде, которая как бы между прочим посоветовала ему приглядывать за главой семейства и проследить за тем, чтобы он не играл. Вообще писатель не знал, что думать о графине; то ему казалось, что она умна, то – что она, напротив, глупа, то – что она хочет казаться умнее, чем является на самом деле, то – что, наоборот, выдает себя за недалекую женщину, преследуя какие-то собственные цели. Она скорее не нравилась ему, чем нравилась, но Михаил уже решил для себя, что гораздо выгоднее иметь ее своим другом, чем врагом.

– Послушайте, может быть, вы позавтракаете с нами? – предложил Петр Николаевич в порыве вдохновения. – Я вижу, вы уже успели тут освоиться, и к тому же вы литератор, а мои домочадцы равнодушны к изящной словесности... А то мы, поверите ли, первый раз в жизни выбрались за границу, и с непривычки все кажется так странно...

Он заметил, что чуть не оторвал у собеседника пуговицу, и со сконфуженным видом разжал пальцы и спрятал руку за спину.

Михаил объявил, что почтет за честь позавтракать вместе с Назарьевым и его семейством, и, когда они поднимались по лестнице, спросил, надолго ли они прибыли в Баден.

– Если бы я знал! – вздохнул Петр Николаевич. – Собственно говоря, Михаил Петрович, это ведь не от меня зависит.

– А от кого?

– Ну есть кое-какие дела, которые может решить только родственница жены, которую мы ждем на днях, – уклончиво ответил Назарьев, глядя мимо собеседника, как человек, не привыкший врать и недоговаривать.

– Это генеральша Меркулова, которую вчера изволила упоминать ваша супруга?

Старомодный оборот «изволила упоминать» пришелся Петру Николаевичу по сердцу.

– Мы думали, она уже будет здесь, когда мы приедем, – разоткровенничался он. – То есть мы так договаривались, но вчера от нее пришла весточка... по электрическому телеграфу... из самого Парижу, представляете? Прогресс, сударь, ах, какой прогресс! Нам сюда... Глафира Васильевна, Настенька, смотрите, кого я вам привел!

Последовали взаимные приветствия под аккомпанемент лая мелкой, но чрезвычайно шумной моськи, которая сидела у госпожи Назарьевой на коленях. Поглядев на чепец, украшавший голову почтенной дамы, Михаил испытал даже некоторый трепет. Он готов был поклясться, что такие чепцы носили во времена его детства и что, должно быть, все эти годы их берегли где-нибудь в сундуке, чтобы наконец вывезти за границу, где они производили впечатление «динозавра моды». Сама же Глафира Васильевна была сухонькой старой дамой с редкими седоватыми волосами и голубыми глазами. В них, надо сказать, сверкали ум и энергия, но Михаил даже не обратил на них внимания, потому что отвлекся на Настеньку и ничего уже больше не видел. Большеглазая барышня с очень белой, словно фарфоровой, кожей и узлом тяжелых светлых волос на затылке, который подчеркивал тонкую шею, лишь одна по-настоящему интересовала его из всего семейства. Она улыбнулась ему, и Михаил почувствовал, что не зря пришел сюда.

Завтрак еще не начался, а писатель уже надавал множество необдуманных обещаний. Он выразил готовность быть гидом Назарьевых по Бадену, рассказал, где дешевле всего брать ягоды и фрукты (прямо на рынке, минуя лавочки), и вернул несколько анекдотов из жизни местной русской колонии. Обычно Михаил был довольно замкнут и не слишком словоохотлив; теперь же он так и сыпал фразами и чувствовал, что его слушают с удовольствием. Одно только испортило его триумф – когда Глафира Васильевна спросила, где он живет, ему пришлось сознаться, что в Оттерсвайере, но он и тут нашелся, добавив, что его

соседом является Алексей Жемчужников, поэт, камер-юнкер и отставной помощник статс-секретаря Государственного совета.

– Камер-юнкер! – уважительно повторила Глафира Васильевна. – А моя троюродная сестрица Наталья Денисовна вышла замуж за капитана Меркулова, а теперь он генерал. Может быть, и министром станет, – добавила она, вздохнув.

– Конечно, станет, – подтвердил Петр Николаевич, – почему бы ему не стать?

Ага, помыслил Михаил, стало быть, графиня Вильде ошибалась, полагая Назарьевых самозванцами. И потом, послала же им Натали телеграмму из Парижа – вероятно, о том, что она задерживается и не может пока приехать в Баден.

– Лукерья! – закричала Глафира Васильевна. – Лукерья, неси самовар!

И самовар явился, принесенный здоровенной служанкой лет сорока, и впервые за долгое время Михаил вполне осознал, какое это счастье – пить настоящий хороший чай. Обычно ему по скромности финансов приходилось пробавляться кофе, точнее, здешней подделкой под кофе, сваренной из цикория.

Анастасия принимала мало участия в общем разговоре, что Михаил приписывал тому, что девушка дичилась незнакомца, оказавшегося за семейным столом. Несколько раз он ловил на себе ее полный любопытства взгляд, а за чаем она удостоила писателя вопросом, много ли в Бадене достопримечательностей.

– Здесь есть Новый замок, – начал Михаил, – который сохранился в целости, и развалины Старого, который стоит гораздо выше. Оттуда открывается удивительный вид... Возле Старого замка ресторан, и довольно приличный. В оба замка можно доехать или добраться пешком... Вообще следует сказать, что в Бадене многое устроено для удобства гуляющих, например, почти везде стоят скамейки, чтобы при желании вы могли отдохнуть. Вечерами и по выходным публика гуляет возле казино – в саду, где во второй половине дня всегда играет музыка, или по Лихтенталевской аллее. Играет либо местный оркестр, либо какой-нибудь заезжий, например, баварский или австрийский. Недалеко от казино стоит Тринкхалле, его обычно посещают те, кто приехал на воды. Это довольно красивое здание с галереей, а внутри продаются образцы всех лечебных вод, какие водятся в Европе. В городе имеется памятник Шиллеру – правда, это просто камень, на котором выбита надпись. Еще тут есть монастырь, в сад можно заходить, но ничего особенного там нет. Городская церковь тоже не слишком интересна...

Глава семейства долго крепился, но тут он не выдержал и хмыкнул.

– Да, я уж думаю, кого заинтересует церковь, когда есть казино...

– Петр Николаич, – строго сказала Глафира Васильевна, – я надеюсь, что в последний раз слышу от тебя об этом окаянном казино... Мы не будем там играть, ни полушки туда не снесем, и баста!

Она стукнула по столу ладонью, и по этому жесту Михаил сразу же понял, кто в семье является главным. Петр Николаевич закручинился и как-то увял.

– Душенька, голубушка, ты совершенно права! – воскликнул он фальшиво. – Но уж посмотреть-то, я думаю, можно? Ведь почти что театр, только что денег платить не надо...

– И смотреть там не на что, – воинственно ответила Глафира Васильевна, поглаживая моську, которая снова разворчалась. – Один срам же! Честные люди разоряются, а подлецы наживаются. – Она обратилась к писателю: – Вот вы, Михаил Петрович, скажите по совести – ведь вы не играете?

– Никак нет, сударыня.

Только произнес свой ответ, он сообразил, что ответил, как заправский военный старшему по званию. Анастасия невольно улыбнулась, но ее мать даже не заметила его промаха.

– Лучше уж, Петр Николаич, сходи к доктору, посоветуйся насчет вод, – продолжала Глафира Васильевна. – Или – что там Михаил Петрович сказал? Замки тут есть? Ну вот их и можно посмотреть. А в казино мы больше ни ногой! Ни-ни!

Она решительно постучала по столу узловатым пальцем. Моська тявкнула. Петр Николаевич вздохнул и стал с шумом втягивать в себя чай. Анастасия смотрела на солнечный луч, лежащий на скатерти золотым пятном, и казалась такой серьезной, такой взрослой, такой прелестной, что у Михаила стало тепло на душе.

Глава 4. Недомолвки и загадки

Последующие несколько дней Михаил провел с Назарьевыми и, можно сказать, сделался в их семье своим человеком. Он знакомил их с городом, сопровождал в Новый замок, показал ехавшего в экипаже Тургенева и передал все сплетни, которые о нем ходили. Когда собачка Глафиры Васильевны в ходе одной из прогулок куда-то убежала, писатель принял деятельное участие в ее поисках и в конце концов обнаружил ее в компании шпица одного из местных бюргеров. Это маленькое приключение имело неожиданные последствия: госпожа Назарьева, переволновавшаяся из-за своей любимицы, стала больше времени проводить в четырех стенах, и теперь нередко были случаи, когда она отказывалась от совместных выходов, предоставляя мужа и дочь попечению Авилова. Так как Петр Николаевич, по его словам, жить не мог без вестей из России, он обыкновенно заворачивал в читальню, где проводил час или полтора, изучая русские газеты и журналы. К чести господина Назарьева, он не требовал, чтобы Анастасия и Михаил скучали в это время возле него, и они уходили в кафе Вебера, слушали оркестр в саду рядом с Conversation или спускались к реке. Баден расположен таким образом, что большинство городских зданий находится на одном берегу, а казино, театр и зоны для гуляний – на другом. Глядя на островерхие крыши домов на той стороне и мелководную, ручную речушку Оос, Михаил почему-то вспомнил, как он впервые увидел широкую, величественную Неву, и задумался: мог бы он провести в Бадене всю жизнь? Он перевел взгляд на серьезное личико Анастасии, которая тоже смотрела на крыши.

«Интересно, а о чем думает она?»

– Здесь красиво, – заметил он, чтобы хоть что-то сказать.

– Да, – просто ответила Анастасия. – А вы заметили, сколько тут женских улиц? Амалиенштрассе, Стефаниенштрассе, Луизиенштрассе, Софиенштрассе...

– А вы бы хотели, чтобы была Анастасиенштрассе? – спросил Михаил с улыбкой.

Его спутница смутилась.

– О! Я не в этом смысле... то есть я не имела в виду...

Но она увидела, что Михаил улыбается, и сделала очаровательно уморительную гримаску, от которой у него сердце растаяло в груди.

– Ну наверное, я бы не отказалась... Только кто назовет улицу в мою честь? Я же ничего особенного не сделала.

Ему понравилась ее скромность; впрочем, по правде говоря, ему нравилось в Анастасии все. Они двинулись вдоль набережной; через несколько шагов девушка спохватилась, что хотела купить иголки, но забыла. Михаил и его спутница по мосту перебрались на другой берег и между отелями «Европа» и «Франция» отыскивали магазинчик, торгующий разными мелочами. Анастасия объявила, что сама объяснится с хозяйкой, и заговорила на немецком, правда, то и дело сбиваясь на французский. Михаил время от времени вставлял уточняющие фразы. Ему пришло в голову, что он с удовольствием провел бы в этой лавочке сколько угодно, лишь бы рядом была мадемуазель Назарьева – и вновь пожалел, что он малоизвестный литератор без имени, без состояния, из разночинцев, и ему все дается с таким трудом. Наконец Анастасия выбрала иголки, расплатилась, и они вышли на улицу.

– О чем вы думаете? – не удержалась девушка, видя его мрачное лицо.

– Я?

Михаилу не хотелось признаваться. Он поглядел в конец улицы и заметил:

– Мне показалось, я увидел знакомого... господина Тихменёва. Но теперь я понимаю, что обознался.

– Он писатель?

– Редактор. Впрочем, статьи он тоже пишет.

– А вы сейчас что-нибудь сочиняете?

– Пока – нет.

– Скажите, Михаил Петрович, а как это происходит? – замирая от любопытства, спросила Анастасия. – Я имею в виду... ну вот, например, вы выдумываете героев или берете их из жизни?

– Что-то выдумываю, что-то беру из жизни, – ответил Михаил уклончиво. Он не любил разговоров о сочинительстве, потому что считал, что, в принципе, невозможно объяснить, откуда берутся герои, сюжеты и миры, которые хочется подарить другим.

Мимо них пролетел щегольской экипаж, мелькнул розовый шелк платья, красивое женское лицо, обрамленное черными локонами, – но, на вкус Михаила, накрашенное сверх всякой меры. Рядом с дамой в розовом сидел, развалившись и глядя в сторону, человек, которого писатель сразу же узнал. Анастасия проводила экипаж глазами.

– Это ведь был тот самый... игрок? – спросила она почему-то шепотом.

– Да, господин Осоргин, – ответил Михаил.

– А дама?

– Она не дама, – довольно резко промолвил писатель и сразу же пожалел об этом. – Думаю, нам пора возвращаться к вашему отцу.

– Он еще читает, – ответила Анастасия с явным неудовольствием. – Мы только напрасно его потревожим. Как вы думаете, сколько стоит ее платье?

Пока Михаил собирался с мыслями, его спутница продолжала:

– Наверное, дорого. Думаю, оно парижское. Здесь все так красиво одеваются! Дамы в казино такие элегантные! Я ужасно хотела бы иметь хоть один наряд, как у них... Но маман и слышать ничего не хочет. Она не одобряет... как она выражается, пустые траты. Ходит в своем ужасном чепце, в перешитом темно-зеленом платье и не видит, как над ней все смеются...

Анастасия продолжала изливать душу, а Михаил слушал ее со все возрастающим изумлением. Он чувствовал, что для девушки то, о чем она говорила, – большое место и, пожалуй, повод для драмы, но не мог отказаться от ощущения, что она преувеличивает. Он бросил взгляд на ее наряд: ну да, простенькое платье, коричневое, практичное, оборки по минимуму, и никаких тебе шлейфов. Но он был мужчиной и совершенно не понимал, как можно всерьез страдать из-за таких пустяков.

– Мне кажется, только недалекие люди судят по одежде, – довольно неловко заметил он. – Вам не стоит обращать на них внимания.

– Но ведь нет ничего плохого в том, чтобы быть хорошо одетой, – наивно ответила Анастасия. – У меня душа в пятки уходит, когда я думаю, что госпожа Меркулова увидит меня... такой.

– А разве она приезжает? Петр Николаевич говорил мне, что она задерживается в Париже...

– Нет, она обещает послезавтра быть в Бадене. Мы получили от нее телеграмму.

... Не то чтобы Михаил насторожился, но ему все же показалось странным, что ни разговорчивая Глафира Васильевна, ни добродушнейший Петр Николаевич не сообщили ему о приезде своей родственницы. Интересно, почему они о нем умолчали?

«Наверное, просто не успели сказать, – утешил себя Михаил. – Скажут сегодня за ужином».

Но за ужином Петр Николаевич говорил о чем угодно, только не о генеральше Меркуловой, а Глафира Васильевна жаловалась, что за Фифи опять не уследили, и она опять чуть не сбежала, так что Михаил поднялся из-за стола с неприятным ощущением, что его пытаются обвести вокруг пальца.

«Почему такая скрытность? Они посвящали меня во все дела, а теперь вдруг – молчок...»

Он знал, что Тихменёв живет в гостинице «Европа» и еще не уехал, но обсуждать Назарьевых с редактором было совершенно бесполезно. Во всем Баден-Бадене у Михаила имелся только один знакомый, с которым он мог поговорить о Назарьевых, но идти к нему писателю совершенно не хотелось. Однако, пересилив себя, писатель на следующий день отправился на виллу графини Вильде. Вера Андреевна сидела в гостиной, читая письмо, и, когда она отложила его в сторону, Михаил успел заметить, что оно помечено островом Маврикий.

– Только не говорите мне, что вы добрались сюда пешком, – заметила графиня, испытующе глядя на гостя. Михаил посмотрел на свои запыленные сапоги и смутился.

– Представьте себе, – продолжала Вера Андреевна, отмахнувшись от его жалких попыток со-лгать, – я еще не завтракала, так что вы составите мне компанию. Возражения не принимаются, – добавила она, очаровательно улыбнувшись.

Гость был готов возмутиться, но покорился и был за то вознагражден сытным завтраком, скорее смахивающим на ранний обед. Из приличия он все же пытался отказать от некоторых блюд, но все неизменно заканчивалось тем, что их ставили перед ним, а потом он оказывался почему-то перед пустой тарелкой и с приятной тяжестью в желудке. «Ем, как Собакевич, – мелькнуло у него в голове, – даже стыдно, ей-богу. – Тут его мысли приобрели иное направление. – А она? Какой она персонаж? Ну уж точно не гоголевский...»

Разговор зашел о Тихменёве, и Михаил, увлекшись, пересказал то, что слышал от редактора о его поездке в Венецию и встрече с Герценом. Ему было любопытно, как отреагирует на упоминание знаменитого политэмигранта богатая светская дама. Писатель бы не удивился, если бы она замахала руками и капризным тоном потребовала бы не упоминать при ней имя «этого чудовища», но Вера Андреевна в который раз удивила его.

– Вы знаете, что у Александра Ивановича есть брат? – спросила она.

Авилов признался, что только что услышал об этом обстоятельстве от своей собеседницы.

– Сводный брат по отцу, – продолжала графиня, – и зовут его Егор Иванович. Покладистый, тишайший и добрейший человек, полная противоположность своему именитому родственнику. Такие люди, как Егор Иванович, не умеют устроиться в жизни и обыкновенно умирают в полной нищете, потому что окружающим очень легко их обирать.

– А почему вы сейчас вспомнили о нем? – спросил Михаил с острым любопытством.

– Ну, может быть, потому, что человека характеризует не только то, о чем он охотно говорит, но и то, о чем он умалчивает. Егор Иванович – добрейшая душа, он не из тех родственников, которых стоит стыдиться, но... странное дело, брат никогда о нем не упоминает... Не правда ли, любопытно?

Михаил так и не нашелся, что ответить, потому что подали кофе, но слова графини навели его на определенные размышления. «Назарьевы умалчивают о приезде генералыши... почему? А Вера Андреевна... она действительно умна или просто умеет приносиваться к разговору с любым человеком, высказывая где-то когда-то подслушанные умные мысли? Хотел бы я знать...»

– Кстати, о родственниках, – начал Михаил. – Может быть, госпожа графиня, вам интересно будет услышать, что Наталья Денисовна Меркулова является троюродной сестрой Глафиры Васильевны Назаревой.

– Это мне уже известно, – отмахнулась Вера Андреевна. – Ничего нового вы мне не сообщили.

– Но в нашу предыдущую встречу вы сказали...

– С тех пор я успела навести кое-какие справки. – Сухо улыбнувшись, графиня отпила из своей чашки.

– Госпожа Меркулова завтра прибывает в Баден. – Михаил впился взглядом в лицо собеседницы, но так и не смог прочитать на нем, известна ли ей уже эта новость.

– Чего и следовало ожидать, – усмехнулась графиня. – Осоргин уехал вчера вечером.

– Вот как? Может быть, вы даже знаете, куда?

– Конечно, знаю, – парировала Вера. – В Саксон-ле-Бен. Собственно, он должен был уехать еще два дня назад, но задержался.

– Из-за дамы по имени Диана? – невольно спросил писатель, припомнив женщину в экипаже.

– Нет, разумеется – у него в казино пошла выигрышная полоса. От этой дамы ничего не зависит – она готова ездить за ним повсюду, если он ее не гонит.

Михаил открыл рот, но так и не придумал, что бы такого сказать.

– А вы совсем не знаете жизни, – неожиданно промолвила графиня, испытующе глядя на него. – Для писателя это большой недостаток. Скажите, почему вы пришли ко мне сегодня? Только правду.

– Назарьевы были очень добры ко мне, – пробормотал писатель. – И... очень откровенны. Однако они скрыли от меня, что их родственница приезжает. Почему?

Вера допила кофе и поставила чашку на столик.

– А вы подумайте. В конце концов, если от вас что-то скрывают, значит, не хотят, чтобы вы это знали.

– Я слишком низко стою, чтобы удостоиться общения с госпожой генеральшей? – спросил Михаил мрачно.

– Говорят, – уронила Вера, проигнорировав его вопрос, – что Глафира Васильевна надеется на то, что Натали поможет подыскать жениха для Анастасии.

Михаил понял, и краска бросилась ему в лицо.

– Но ведь Натали... то есть госпожа Меркулова... Я слышал, что она не общалась с троюродной сестрой много лет! Зачем же ей так стараться для... для...

– И зачем приезжать в Баден-Баден, когда было бы достаточно написать письмо, – в тон ему отозвалась Вера. – Да и Назарьевы тоже могли бы никуда не ездить.

– Вы что-то знаете, сударыня? – спросил Михаил после паузы.

– Ничего определенного, – спокойно отвечала его собеседница.

– И все же?

Вера улыбнулась, и, бог весть отчего, эта улыбка взбесила писателя.

– Вам нравится говорить загадками... – начал он.

– А вам нравится их отгадывать, иначе вы бы здесь не были. Хотите совет?

– Еще одна загадка?

– Если угодно. Так вот: не принимайте дела Назарьевых близко к сердцу. И их самих – тоже.

– Понятно, – пробормотал Михаил, растирая лоб. – Вы считаете, что у меня нет шансов. – Он вздохнул. – А ведь я ни слова не сказал о том, что Анастасия Петровна мне нравится. Неужели я настолько... предсказуем?

Однако тут Вера Андреевна предпочла его ошеломить, чисто по-женски круто переменив тему.

– В «Золотом рыцаре» хорошая читальня? – спросила она.

– Простите? – Михаил вытаращил глаза.

– Говорят, там хорошая читальня, и русские газеты тоже есть.

– Но я не понимаю... – начал писатель в изумлении.

– А стоило бы.

Вошла горничная, неся на подносе конверт, украшенный гербами, и сообщила, что его только что доставил нарочный, который дожидается ответа. Графиня сломала печать, пробежала письмо и повернулась к гостю.

– Впрочем, Михаил Петрович, можете делать, что хотите, – добавила она уже совершенно другим тоном. – А теперь прошу извинить, меня ждут неотложные дела.

Глава 5. Натали и ее свита

– Разумеется, – сказала Глафира Васильевна, – ты наденешь палевое платье.

Анастасия надулась.

– Но я не хочу палевое... Бледно-желтый, фу! Такой цвет сейчас никто не носит!

– Глупости, – отрезала Глафира Васильевна. – Платье тебе очень идет, ты в нем выглядишь как ангел... Фифи, перестань лаять! Петр Николаевич! Петр Николаевич, пойдی сюда...

Покосившись на дочь, Глафира Васильевна решительно отвела мужа в сторону.

– Я надеюсь, ты не оставлял ее сегодня одну с Михаилом Петровичем? – многозначительно спросила почтенная дама.

– Я только на три минутки заглянул в читальню, – ответил Петр Николаевич, умоляюще глядя на жену, и по его тону, по выражению лица Глафира Васильевна тотчас же поняла, что три минутки растянулись на час, а то и больше.

– Петр Николаевич, ну что такое! Я же просила тебя...

Фифи, бегавшая по комнате, снова залаяла.

– Просила проследить, чтобы этот щелкопер не гулял с Настенькой! – понизив голос, выпалила Глафира Васильевна. – Петр Николаевич, ну ей-богу...

– Он не щелкопер, – сделал попытку вступить за молодого человека глава семейства, – он литератор.

– Литератор! – вскрикнула Глафира Васильевна, воздевая руки, – как же ты не понимаешь, Петр Николаевич! При покойном государе Николае Павловиче слово «литератор» звучало гордо, не то что нынче! Начнешь читать биографию литератора, так там – и тайный советник, и орденов кавалер, и вообще рисуется со всех сторон уважаемая личность... Теперь совсем, совсем не то! И повестушку его я не смогла осилить, и сам он, по правде говоря, доверия не внушает...

– Как же не внушает доверия, когда он нам столько помогал, – пропыхтел Петр Николаевич, утирая лоб платком. – Рассказал, где лучше всего менять деньги, город показал, и вообще...

– И вообще у него ни гроша за душой, – прошептала Глафира Васильевна, оглядываясь на дочь. – А ну как он в голову заберет, что имеет право к Настеньке свататься? А она? Ведь она, не ровен час, может им увлечься.

Петр Николаевич молчал, глядя в угол, и выражал свой протест только сопением чуть громче обычного, но и этого было достаточно его дражайшей половине, чтобы она ринулась подавлять в зародыше зреющий бунт.

– Совсем он нам не пара, совсем, – промолвила она, сокрушенно качая головой. – И Настеньке ни к чему с ним общаться. Я так думаю, ты должен отказать ему от дома.

– А если нам опять понадобится его помощь? – мрачно спросил Петр Николаевич.

– На что он нам, когда тут будет Наталья Денисовна? У ее мужа куда больше влияния, чем у господина Авилова когда-либо было и будет...

– Ну нехорошо, нехорошо, – заговорил Петр Николаевич, морщась. – Зачем же его... так сразу... Он деликатный человек, воспитанный...

– Это он-то? Он же проговорился, что его дед простым булочником был.

– Ну и что, что булочником? Я так думаю, надо не на происхождение смотреть, а на то, что человек собой представляет.

– Вот, пожалуйста: начитался глупых газет и либеральничаешь. Петр Николаевич, ну зачем? Пусть внук булочника ищет себе... внучку торговки пирожками, я и слова не скажу. Но у нас ему делать нечего.

– Да Настенька на него даже и не смотрит, – пустил в ход тяжелую артиллерию Петр Николаевич. – Он для нее только знакомый, больше ничего. Сама посуди: если мы его выгоним, с кем ей общаться? Она ведь скучать будет...

– Настенька! – крикнула Глафира Васильевна, – а пойдика сюда. – Дочь подошла, глядя исподлобья. – Что вы сегодня делали с Михаилом Петровичем, пока Петр Николаевич свои газеты читал?

– Покупали иголки, – ответила Анастасия, глядя на мать широко распахнутыми глазами. – Михаил Петрович помог мне объясниться с хозяйкой лавки.

– А! – буркнула Глафира Васильевна, успокаиваясь. – Ну иголки – ничего... И все-таки, Петр Николаевич, не след тебе оставлять их одних. Придется мне снова с вами ходить... или приставить к тебе Лукерью, что ли? – добавила она, обращаясь к дочери, и тут же отвлеклась на собачонку. – Фифи! Ах, как лает эта собака, у меня даже голова разболелась... Ну что тебе, негодница?

Она взяла собачку на руки и стала ласково ворковать с ней, словно забыв обо всем остальном; но Петр Николаевич слишком хорошо знал свою супругу и понимал, что судьба Авилова решена и что недалек тот день, когда писатель будет изгнан из их семейства. По некоторым соображениям Назарьев предпочитал, чтобы все оставалось как прежде, то есть чтобы Анастасия прогуливалась со своим спутником, пока сам Петр Николаевич оставался в читальне. Весь вечер он ломал голову, прикидывая, как заставить супругу сменить гнев на милость, и под конец, как все слабые люди, решил довериться естественному течению событий. На следующий день Назарьевы при полном параде явились на вокзал, чтобы встретить прибывающую родственницу, и едва ли не первым, кого они там увидели, оказался Михаил, оживленно беседовавший с Тихменёвым. Выяснилось, что литераторы приехали, чтобы встретить своего коллегу Гончарова, который собирался продолжить в Бадене лечение, начатое в Мариенбаде. Глафира Васильевна насупилась.

– Гончаров... Это «Обломов», кажется? – спросил Петр Николаевич нерешительно.

– Не читала, – объявила Глафира Васильевна таким тоном, словно факт того, что она прочитала или пропустила какую-то книгу, мог что-то говорить о качестве последней.

– Еще «Фрегат «Паллада» и «Обыкновенная история», – вставил Михаил.

Он поглядел на Анастасию, и ему показалось, что соломенно-желтое платье, которого раньше на ней не видел, ей очень к лицу. Девушка сняла перчатки, потом надела, потом стала их поправлять. Издалека донесся сиплый свист локомотива. Рельсы загудели; встречающие и носильщики засуетились.

– Не наш поезд, – сказал Тихменёв, посмотрев на массивные золотые жилетные часы, которые он любил демонстрировать, извлекая из кармана при всяком удобном случае. – Иван Андреевич прибывает на следующем... Моя вина, Михаил Петрович, что я привел вас так рано. Слуга в гостинице перепутал время, а я не догадался проверить...

Авилов заверил редактора, что ничуть на него не сердится и что лишние полчаса ничего для него не значат. По правде говоря, он только рад был лишний раз повидать Анастасию, хотя сегодня она казалась бледной, напряженной и даже не улыбалась. «Нет, она вовсе не рада приезду Натали... Интересно, знает ли она, что ей собираются подыскать жениха? Может быть, она мрачна потому, что у нее душа не лежит к... к другому?»

Паровоз проплыл мимо собеседников и остановился, выдохнув пар, как человек, забравшийся на снежную вершину. Вокзал наполнился говором и шумом; Тихменёв настоял на том, чтобы отойти и стать чуть поодаль, чтобы не мешать пассажирам. Фифи, которую нервировало обилие новых людей и впечатлений, залилась отчаянным лаем. Глафира Васильевна заметалась, тормоша супруга. То она требовала немедленно найти Натали в вагоне, то волновалась, хватит ли носильщиков, – ей казалось, что половина пассажиров выходит в Бадене, и среди них Михаил с некоторым удивлением разглядел австрийских офицеров

в белых мундирах. «Ведь они совсем недавно воевали с немцами... а теперь приехали в Баден?» Он забыл, что в прошлогодней войне великое герцогство Баденское выступало на стороне Австрии, как и целый ряд мелких немецких государств, недовольных усилением Пруссии.

– Люблю поезда, – неожиданно признался Тихменёв. – Кто только на них не ездит...

Но Михаил едва слышал его. Он смотрел на спускающуюся из вагона даму в синем дорожном платье, возле которой сустились двое кондукторов и к которой бросилась Глафира Васильевна. Пепельная блондинка с голубыми глазами; лет тридцати пяти или около того; хороша собой? – безусловно, но в правильных чертах ее было что-то, что инстинктивно оттолкнуло писателя, какая-то смесь властности, надменности и упрямства, которую он плохо переносил, и особенно – в женщинах. Властно она оборвала приветственный лепет Глафиры Васильевны, надменным взглядом окинула наряд встречающей и, упрямо игнорируя своих спутников (которых, к слову сказать, Михаил только что заметил), стала отдавать распоряжения насчет багажа. Вместе с Натали прибыли двое: тщедушный подросток с узким личиком и молодцеватый генерал лет сорока пяти, процентов на девяносто состоявший из образцовой выправки, а на оставшиеся десять – из не менее образцовых усов. Даже Фифи, заметив их, замерла в почтительном созерцании и на некоторое время перестала лаять.

– Петр Николаевич Назарьев, мой муж! – сустилась Глафира Васильевна, представляя членов своего семейства вновь прибывшим. – А это Настенька... девочка! Наталья Денисовна, вот Настенька... какая красавица выросла, не правда ли?

Старая дама робела, терялась, несла чепуху и выглядела безнадежно провинциальной со своими попытками наладить общение, которое вдобавок ко всему никак не налаживалось. Натали холодно шурила глаза, генерал буркнул басом, что он очень рад, подросток неприязненно покосился на Анастасию и уставился на носки своих ботинок, Петр Николаевич заискивающе улыбался, и только здоровенная Лукерья, которую захватили на вокзал для того, чтобы она помогла нести чемоданы приехавших, выглядела совершенно в своей тарелке. Немного поправила положение лишь неизбежная в таких случаях вокзальная суэта. Багажа у вновь прибывших оказалось столько, что даже выдавшие виды носильщики оказались в затруднении. Наталья Денисовна уверяла, что недосчиталась чемодана, и требовала немедленно его найти. Ее высокий мелодичный голос, неприятно подрагивающий на верхних нотах, вывел Фифи из транса, и моська вновь принялась энергично гавкать.

– А вы не меняетесь, дорогая кузина, – заметила Натали, не скрывая насмешки. – Когда мы виделись в прошлый раз, вы были с такой же собачкой.

Глафира Васильевна открыла рот, чтобы ответить... Возможно, старая дама собиралась изложить тонкости родословной Фифи или объяснить, почему она любит собак, но тут ослепительно-синее баденское небо рухнуло на землю, солнце погасло и вообще приключился чудовищный катаклизм, равных которому не бывало в истории – по крайней мере, в истории Баден-Бадена. А именно, из соседнего вагона первого класса, пропустив вперед себя всех выходящих пассажиров, показался еще один путешественник. Его щегольской костюм словно бросал вызов своим совершенством линиям, дорогая трость, которую он небрежно нес под мышкой, стоила, пожалуй, побольше иных баденских домов, а синие глаза смотрели на мир так, словно тот принадлежал их обладателю. Одним словом, то был Григорий Осоргин.

Глава 6. Аустерлиц или Ватерлоо

Как и многие молодые люди его поколения, Михаил считал, что он опоздал родиться, из-за чего самое выдающееся историческое событие последних ста лет – взлет и крушение Наполеона – прошло мимо него. Он бы дорого дал, чтобы самому побывать при Аустерлице и увидеть, как все происходило на самом деле; но когда Михаил заметил взгляд, который генерал Меркулов бросил на своего соперника, и в полной мере осознал, что этот взгляд означает, писатель внезапно понял, что бывают даже в частной жизни вполне заурядных людей такие минуты, которые стоят всех Аустерлицев, всех Ватерлоо и вообще любых громких битв. Бешенство, ненависть, бессилие, негодование – все сплелось, все вышло наружу, и, если бы взгляды могли убивать, Григорий Александрович не то что упал бы бездыханным – он бы просто сгорел заживо...

Но ничего такого, разумеется, не произошло, а произошла самая – с точки зрения посторонних наблюдателей, не посвященных в истинное положение дел, – обыкновенная сцена. Осоргин учтивейшим образом поздоровался с Натали, с ее мужем, с сыном Кариллом и выразил сожаление, что не знал, что в соседнем вагоне едут его добрые знакомые. Он играл в Саксон-ле-Бен, но тамошняя погода пришлась ему не по душе, и он решил вернуться в Баден. Натали, оправившись от изумления (а Михаил видел, что эта светская женщина, в совершенстве привыкшая владеть собой, была все же изумлена), пожелала представить Осоргину своих родственников. Григорий Александрович раскланялся с Петром Николаевичем, выдержал лавину нелепых вопросов Глафиры Васильевны о том, не приходится ли он родственником тамбовским Осоргиным, и повернулся к Анастасии, которая то краснела, то бледнела и даже не сразу подала ему руку.

– Enchanté, mademoiselle²⁶.

Михаил был совершенно уверен, что больше ничего Осоргин Анастасии не сказал. А между тем Григорий Александрович удалился, пропавший чемодан Натали был найден, Меркуловы уехали в сопровождении Назарьевых, поезд ушел, а писателя все еще терзало что-то, чему он сам не мог подобрать названия. Но тут приехал еще один поезд, и Михаилу пришлось отвлечься от своих размышлений.

– Иван Александрович, дорогой!.. – вскричал Тихменёв, бросаясь к только что сошедшему на перрон грузному господину лет пятидесяти с представительной внешностью.

...Вечером Михаил лежал на кровати, закинув руки за голову, и таращился на косую стену своего чердака, повторявшую очертания крыши в этом месте. Проза Гончарова была ему симпатична, и он многого ждал от этого знакомства, а в итоге выходило, что он потерял время, которое мог бы провести в обществе Назарьевых, – прежде всего Анастасии, само собой. И ведь не сказать, что Иван Александрович оказался никуда не годным собеседником или нагонял тоску – он говорил умно и временами остроумно, но в основном – с Тихменёвым, обсуждая общих знакомых и разные мелочи, которые Михаилу, плохо разбирающемуся в том, чем жил интеллектуальный мир северной столицы, казались чем-то вроде загадочных иероглифов. Больше всего, впрочем, писателя злила легкость, с которой Платон Афанасьевич общался с Гончаровым, – точнее, не легкость, а то особое отношение, которое кое-кто из классиков с убийственной точностью характеризовал как «на дружеской ноге». Прост, сердечен, искренен и надежен казался Тихменёв – словно совсем другой человек, словно не тот, кто получал явное удовольствие, рассказывая за глаза гадости о пишущих собратях и щедро поливая их грязью.

²⁶ Я рад (нашему знакомству), мадемуазель (франц.).

«Скотина, хам, дурак, подлец», – горько думал Михаил, не замечая, что перебирает выражения, которыми русские литераторы изустно, письменно и всегда однообразно угощают друг друга со времен эпической свары Сумарокова с Тредиаковским²⁷. Он презирал Тихменёва, но также и себя самого за то, что зависел от него, за то, что был малоизвестен и не мог являться для Гончарова таким же интересным собеседником, как ядовитый, но всезнающий редактор.

– Писатель? – спросил на вокзале Гончаров, скользнув по Михаилу пронизательным взглядом.

И даже в этом простом вопросе Авилову мерещился сейчас подвох, даже здесь он видел повод для обиды. Ну да, писатель, но куда ему до своих маститых собратьев! Все, на что он годится, – накропать повестушку, которую, может быть, из жалости возьмут в июльский номер...

Он внезапно почувствовал себя нищим, стоящим на обочине литературы, в то время как вокруг степенно прохаживались камер-юнкеры Жемчужниковы, действительные статские советники Гончаровы и просто богатые помещики Тургеневы.

«А может быть, у меня вовсе нет таланта... Но лучше об этом не думать, иначе я сойду с ума. Почему же я с шести лет если и мечтал о чем-то, то лишь о том, чтобы сделаться писателем?»

Спал он плохо, видел тревожные сны и пробудился совершенно разбитый. Повернувшись на бок и еще не окончательно перебравшись из состояния полудремы в явь, он стал размышлять, о чем будет его следующая вещь.

«Взять, например, генеральшу... Ее семью и любовника. И тут происходит... что же происходит? Ну, убийство, например...»

Раньше Михаил не очень жаловал истории с убийствами, но недавний роман Достоевского «Преступление и наказание»²⁸ показал, что они тоже имеют право на существование. Впрочем, Авилов никак не мог отделаться от ощущения, что преступление автору вполне удалось, чего не скажешь о наказании.

«Восемь лет каторги за две загубленных души... Он же выйдет и снова убьет кого-нибудь – хотя бы ту же несчастную Соню, просто от скуки. – Когда писатель размышляет о других писателях, в итоге он все равно возвращается к себе и своим проблемам; точно так же случилось и с Михаилом. – А занято было бы написать роман, в котором убийца не понесет никакого наказания... Хотя... Катков такую штуку не примет, Тихменёв... Нет, и этот тоже не осмелится. Циник-то он только на словах... а ведь, если присмотреться, нет ничего более дешевого, чем цинизм. Очень удобная поза – никого не любить и никем не дорожить... Хотя нет, однажды он заговорил о своей жене, и у него даже голос потеплел. Вот ее он, наверное, любит...»

Но его не интересовала жена Тихменёва и даже – как он только что понял – не интересовала Натали с ее хищными глазами, равно как и двое мужчин, которые делили ее внимание. А если писателя не интересуют его герои, ничего у него не получится.

«Но вот, к примеру, Настенька... Старомодная семья... И она влюбляется в... Нет, не то. Пусть будет не Настенька, а Варенька... или Верочка... О нет, только не это. – Он вспомнил о Вере Андреевне и мысленно поежился. И речи не могло быть о том, чтобы давать юной героине ее имя. – Итак, Варенька... Допустим, она встречается в Мариенбаде... Но что я знаю о Мариенбаде? Я же никогда там не бывал...»

²⁷ Александр Сумароков (1717–1777) и Василий Тредиаковский (1703–1769) – писатели допушкинской поры, чьи расхождения во взглядах вылились в печатную полемику, переросшую в обмен всевозможными придирадками и ругательствами.

²⁸ Впервые опубликован в 1866 году.

История с убийством стремительно превращалась в курортный роман, и нет ничего удивительного в том, что вскоре Михаил совершенно запутался, тем более что его мысли постоянно отвлекались на посторонние предметы.

«Интересно, кто шлет графине письма с Маврикия? И где вообще находится этот Маврикий?»

После завтрака он отправился в Баден и пошел напрямик в гостиницу «Золотой рыцарь», где от Лукерьи узнал, что господа уехали в Старый замок, и неизвестно, когда вернутся.

– Они уехали с Натальей Денисовной? – спросил Михаил, просто чтобы сказать что-нибудь.

– И генералом, – важно ответила Лукерья, взирая на него с высоты своего немалого роста.

До Старого замка было далеко, и к тому же, пока он добрался бы до места, Назарьевы и Меркуловы вполне могли бы уже вернуться в Баден. Михаил выпил кофе, погулял по Рыночной площади и решил заглянуть в читальню. На набережной он увидел Гончарова, который, заметив его, повернулся к нему спиной. Авилов был наслышан о странностях Ивана Александровича, о его перепадах настроения, болезненной подозрительности и истории с Тургеневым, которого Гончаров обвинил в плагиате, но поведение старшего коллеги все же сильно задело Михаила. Однако через минуту он и думать забыл о своей обиде, потому что его нагнала коляска, в которой ехали графиня Вильде и престарелая княгиня Хилкова. Княгиня, которая когда-то вела разгульный образ жизни, теперь сделалась так уродлива, что если бы ее увидели семь смертных грехов, они бы от ужаса обратились в добродетели. Представив Михаила своей знакомой как *charmant homme de lettres*²⁹, графиня прощепетала, что они направляются в Старый замок с тем, чтобы пообедать в тамошнем ресторане, который славился как своей кухней, так и открывающимися сверху видами. С замирающим сердцем Михаил попросил позволения составить дамам компанию.

– Ах, я, право, не уверена, будет ли это прилично, – хихикнула княгиня.

«Старая ведьма!» – подумал Михаил, бледнея от бешенства.

– Хотя в моем возрасте я уже могу позволить себе не обращать внимания на сплетни обо мне, – продолжала старая дама и, усмехаясь, добавила: – К сожалению, конечно...

С некоторым опозданием писатель сообразил, что раз Вера общалась с княгиней, значит, та в некотором роде стоила своей знакомой и что ему придется нелегко; но делать было нечего, и, почтительнейше поблагодарив Хилкову, он сел в экипаж. Гончаров, который обыкновенно жаловался на плохое зрение, со своего места тем не менее прекрасно разглядел все происходящее и проводил коляску озадаченным взглядом.

Дорога, ведущая к Старому замку, очаровательна, но Михаилу не дали насладиться видами, потому что дамы атаковали его вопросами, которые следовали друг за другом с такой стремительностью, что в какой-то момент писатель почувствовал себя кем-то вроде хлебного мякиша, на который налетели, треплют и клюют воробьи. Княгиня хотела знать все о его семье, родне, знакомых, привычках, мыслях, устремлениях и мечтах. Она едва выслушивала ответы и сама говорила без умолку, перепрыгивая с предмета на предмет, вставляя к месту и не к месту анекдоты из собственной жизни и воспоминания, которых за семьдесят с лишним лет у нее накопилось немало. Вера Андреевна куда больше слушала, чем говорила, но ее замечания чаще застигали Михаила врасплох. Он терялся, с досадой думал, что выглядит смешно и что две пустейшие женщины, должно быть, забавляются его неловкостью. Если бы его так не тянуло в Старый замок, он бы, наверное, наплевал на все приличия и настоял бы на том, чтобы покинуть коляску на полдороге.

²⁹ Очаровательного писателя (франц.).

– Вы, конечно, знакомы с Иваном Сергеевичем, – сказала княгиня, словно считала само собой разумеющимся, что всякий писатель, прибывающий в Баден, был просто обязан представиться Тургеневу. Михаил начал объяснять, что еще не имел случая с ним познакомиться.

– Его отец был красавец, кавалергард, – Хилкова даже вздохнула, вспоминая, ее глаза затуманились. – Я хорошо его помню. Очень хорошо! – прибавила она со значением.

– Вы всегда все помните, Мария Алексеевна, – в тон ей заметила Вера.

– Он неудачно женился, – продолжала княгиня. – Мог бы лучше распорядиться собой, но у маменьки Ивана Сергеевича было солидное приданое. *Que peut-on faire contre l'argent? – rien!*³⁰ Разумеется, брак, где замешаны трое – муж, жена и деньги, – счастливым не бывает. Он изменял ей, она изводила его ревностью, а когда он умер, даже не поставила ему памятника.

«А если третий в браке – безденежье, такой брак можно считать счастливым?» – едва не спросил Михаил, но удержался. Коляска остановилась: они были уже возле ресторана, и писатель сразу же увидел компанию, сидящую на террасе за большим столом. Натали, генерал, их сын, Глафира Васильевна – на сей раз без своей собачки, Петр Николаевич, Анастасия, какой-то незнакомый военный и – сюрпризом – Платон Афанасьевич Тихменёв.

– *Voilà la demoiselle*³¹, – промолвила Вера вполголоса, обращаясь к княгине и глазами указывая на Анастасию.

Натали повернула голову и увидела вновь прибывших. Генерал прервал разговор о политике, который вел с Тихменёвым. Последовали приветствия и представления. Незнакомый военный оказался Модестом Михайловичем Дубровиным, состоящим в чине полковника. На вид этому холеному блондину с рыжеватыми усами было лет тридцать пять, и Михаил поневоле задался вопросом, каким образом он успел в таком возрасте заделаться полковником. Впрочем, писатель легко простил бы Дубровину и происхождение, и могущественных родственников, которые ускорили его карьеру, если бы не красноречивые взгляды, которые тот то и дело бросал в сторону Анастасии.

«Так вот он какой, ее будущий жених...»

Михаилу сделалось душно и тошно; окружающие его сказочные виды, птицы, щебечущие в листве деревьев, развалины старинного замка, которые до сих пор поражали воображение, – ничто его не радовало, ничто не привлекало глаз. Но в то же время какая-то часть его существа – писательская квинтэссенция, если можно так выразиться, – продолжала неумоимо наблюдать все происходящее и регистрировать впечатления. Он видел, что Натали вовсе не рада графине Вильде, а генерал, напротив, стремится быть с ней подчеркнуто любезным. Супруги Назарьевы выглядели сконфуженными: неожиданное появление писателя в компании двух аристократических особ выбило их из колеи. Что касается Анастасии, она словно ушла в тень и была вся – вежливость, благоразумие и сдержанность.

Генерал Меркулов спросил у княгини, не окажет ли она им честь присоединиться со своими спутниками к их компании. Поломавшись, Марья Алексеевна согласилась. Во времена ее молодости ужимки княгини, должно быть, казались очаровательными, но сейчас они выглядели просто устрашающе. Морщины на ее дряблом лице дергались и меняли очертания, ссохшаяся шея наводила на мысль о какой-то хищной птице, а на все, что располагалось ниже шеи, лучше было вовсе не смотреть. Михаил подумал, что если бы многочисленные любовники княгини могли увидеть из прошлого, во что она однажды превратится, они бы не выдержали и в панике сбежали. Тут он заметил ироничный взгляд Веры Андреевны, и у него возникло нелепое ощущение, что графиня прочитала его мысли. Он попытался уверить себя, что это невозможно, но ощущение росло, крепло и в конце концов обратилось в уверенность. Однако тут генерал Меркулов заговорил с графиней, и она повернулась к нему.

³⁰ Что можно сделать против силы денег? Ничего (*франц.*).

³¹ А вот и барышня (*франц.*).

– Надеюсь, ваш муж благополучно вернется из экспедиции, – сказал он. – Сейчас, должно быть, господин граф уже пересекает экватор.

– О, – протянула Вера капризно, – он уже столько раз пересекал экватор, что я устала считать. Последнее письмо, которое я от него получила, было с острова Маврикий.

– Удивляюсь, дорогая графиня, что вы так легко его отпускаете, – ввернула Натали обманчиво небрежным тоном. – Одно путешествие за другим – неужели географическое общество не может обойтись без графа Вильде? Я бы не стерпела.

– Чего именно – отсутствия господина графа? – мягко спросила Вера.

Княгиня Хилкова, учуяв шпильку, которая приняла размеры смертоносной рапиры, аж зажмурилась от удовольствия. Натали нахмурилась.

– Я бы не стерпела, если бы моего мужа раз за разом отправляли куда-то далеко, – холодно промолвила она.

– Таково желание государя, – отвечала Вера. – Я ничего не могу поделать.

Дубровин, очевидно ждавший, когда ему представится случай вставить удачную реплику, объявил, что он знаком с графом Вильде и что ничуть не удивлен тем, что тому поручают ответственные задания. Но тут подошел кельнер с вопросом, что будут заказывать вновь прибывшие господа, и разговор временно прервался.

Михаил сидел как на иголках. Он захватил с собой достаточно денег, но опасался, что ресторанные цены пробыют в его бюджете брешь, которую трудно будет залатать. Однако княгиня Хилкова заявила, что у нее пропал аппетит, и ограничилась тем, что заказала мороженое и оранжад. Вера спросила кофе и десерт с каким-то сложносочиненным названием, которое писатель не запомнил, и он рискнул взять только кофе, без ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.